LIFE FOR GOD

О священстве

Шесть слов о пастырском служении

Иоанн Златоуст

Отцы Церкви

Шесть слов

De sacerdotio · IV век / 4th century

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Полный текст: шесть слов. Исторический русский перевод, Санкт-Петербургская духовная академия, 1895.

Автор: святитель Иоанн Златоуст. Русский текст: «Творения», том 1, издание Санкт-Петербургской духовной академии, 1895. Это исторический перевод; редакция Life for God подготовила электронный выпуск и PDF (2026).

Основа: историческое русское издание 1895 года в электронной перепечатке. Сохранены все шесть слов; богословское содержание и историческая нумерация не переписывались. Поясняющий подзаголовок «Шесть слов о пастырском служении» добавлен редакцией Life for God. Современная аннотация и примечание «Азбуки веры», подписанное «АВ», не перенесены.

Использованы исторические русское (1895) и английское (1889) издания, находящиеся в общественном достоянии в США. Метаданные CCEL также обозначают исторический английский текст как Public Domain. Это собственная вёрстка Life for God, а не перепубликация современного PDF-оформления CCEL.

Исторические примечания отделены от основного текста. Современные вступления, обложки и оформление источников не воспроизводятся. Орфография русского текста следует электронной перепечатке; новые номера абзацев служат для ссылок.

Читать на сайте Life for God →

Источники

Русский исторический текст · СПбДА 1895

English · NPNF I.IX (1889) · CCEL

Содержание

Об издании 2
Источники 2
Содержание 3
Слово 1 4
Слово 2 19
Слово 3 36
Слово 4 73
Слово 5 98
Слово 6 110
Примечания 136

Слово 1

[1] Лучший друг детства Иоанна Златоуста – Василий. – Они никогда не расставались между собой. – Намерение их обоих принять иночество. – Слезы и просьбы матери, отклонившие Иоанна от исполнения этого намерения. – Подвижническая жизнь друзей. – Слух о намерении посвятить их обоих в епископский сан. – Уклонение Златоуста и избрание Василия. – Жалобы Василия и оправдания Иоанна. Нравственное значение хитрости – в зависимости от намерения. – Польза её как в мире, так и на войне. – К ней прибегают как врачи тела, так и врачи души. – Исцеление больных таким способом. – Ею пользуется и апостол Павел, чтобы привлечь иудеев к Иисусу Христу.

[2] 1. Много было у меня друзей, искренних и верных, знавших и строго соблюдавших законы дружбы; но из многих один превосходил всех других любовью ко мне и столько успел в этом опередить их, сколько они – людей равнодушных ко мне. Он всегда был неразлучным спутником моим: мы учились одним и тем же наукам и имели одних и тех же учителей; с одинаковой охотой и ревностью занимались красноречием и одинаковые имели желания, проистекавшие от одних и тех же занятий. И не

только в то время, когда мы ходили к учителям, но и по выходу из училища, когда надлежало совещаться, какой нам лучше избрать путь жизни, и тогда мы оказались согласными в своих мыслях.

[3] 2. Кроме этих и другие причины сохранили единодушие наше неразрывным и твердым; ибо мы не могли превозноситься один перед другим знаменитостью отечества; не было и того, чтобы я изобиловал богатством, а он жил в крайней бедности, но мера нашего имущества столь же была равна, как и наши чувствования. И происхождение было у нас равночестное, и всё содействовало нашему согласию.

[4] 3. Но когда надлежало ему, блаженному, приступить к монашеской жизни и к истинному любомудрию, тогда у нас нарушилось равновесие; его чаша, как более легкая, возвысилась, а я, еще связанный мирскими стремлениями, унизил свою чашу и склонил вниз, отяготив ее юношескими мечтами. Хотя при этом дружба наша и оставалась столь же крепкой, как и прежде, но общежитие расторглось; потому что невозможно было жить вместе занимающимся не одним и тем же. Когда же и я несколько освободился от житейской бури, то он принял меня к себе с распростертыми руками; но и тогда мы не могли соблюсти прежнего равенства; опередив меня и временем и оказав великую ревность, он опять стоял выше меня и достигал великой высоты.

[5] 4. Впрочем, как человек добрый и дорого ценивший нашу дружбу, он, отказавшись от всех других, разделял со мной все время, чего и прежде желал, но встречал препятствие к тому в моей беспечности. Кто был привязан к судилищу и гонялся за сценическими увеселениями, тот не мог часто проводить время с

человеком, который был привязан к книгам и никогда не выходил на площадь. Но когда, после прежних препятствий, он привлек меня к одинаковой с ним жизни, тогда и выразил желание, которое давно хранил в себе, и уже не оставлял меня ни на малейшую часть дня, не переставая убеждать, чтобы каждый из нас оставил свой дом и мы оба имели одно общее жилище, в чем и убедил меня, и это даже уже было близко к исполнению.

[6] 5. Но непрестанные увещания матери воспрепятствовали мне доставить ему это удовольствие, или лучше, принять от него этот дар. Когда мое намерение сделалось ей известным, тогда она, взяв меня за руку и введя во внутреннее свое жилище, посадила у одра, на котором родила меня, и стала проливать источники слез и высказывать слова, горестнейшие самых слез. Рыдая, она говорила мне так:

[7] «Сын мой, я сподобилась не долго наслаждаться сожительством с добродетельным отцом твоим; так угодно было Богу.[1] Смерть его, последовавшая вскоре за болезнями твоего рождения, принесла тебе сиротство, а мне преждевременное вдовство и горести вдовства, которые могут хорошо знать только испытавшие их. Никакими словами невозможно изобразить той бури и того волнения, которым подвергается девица, недавно вышедшая из отеческого дома, еще неопытная в делах и вдруг пораженная невыносимой скорбью и принужденная принять на себя заботы, превышающие и возраст, и природу ее. Она, конечно, должна исправлять нерадение слуг, замечать их проступки, разрушать козни родственников, мужественно переносить притеснения собирающих общественные повинности и строгие требования их при взносе податей. Если еще после

смерти супруг оставит дитя, то, хотя бы это была дочь, и она причинит много забот матери, впрочем, не соединенных с издержками и страхом, а сын подвергает ее бесчисленным опасениям каждый день и еще большим заботам. Я не говорю о тех денежных издержках, которые она должна употребить, если желает дать ему хорошее воспитание. Однако же ничто из всего этого не заставило меня вступить во второй брак и ввести другого супруга в дом отца твоего; но среди смятений и беспокойств я терпела и не убежала из жестокой пещи вдовства; меня, во-первых, подкрепляла вышняя помощь, а затем немалое утешение в этих горестях мне доставляло то, что я постоянно взирала на твое лицо и видела в нем живой и вернейший образ умершего. Поэтому, быв еще младенцем и едва умея лепетать, когда дети особенно бывают приятны родителям, ты приносил мне много отрады. Ты не можешь сказать и укорять меня и за то, что я, мужественно перенося вдовство, растратила на нужды вдовства твое отцовское имущество, как потерпели, я знаю, многие несчастные сироты. Я сохранила в целости все это имущество и вместе не жалела издержек, требовавшихся для наилучшего твоего воспитания, употребляя на это собственные деньги, с которыми я вышла из отеческого дома. Не подумай, что я говорю теперь это в укоризну тебе; но за все это я прошу у тебя одной милости: не подвергай меня второму вдовству и скорби, уже успокоившейся, не воспламеняй снова; подожди моей кончины. Может быть, спустя немного времени, я умру. Молодые надеются достигнуть глубокой старости, а мы состарившиеся ничего другого не ожидаем, кроме смерти. Когда предашь меня земле и присоединишь к костям отца твоего, тогда предпринимай далекие путешествия и переплывай моря, какие хочешь;

тогда никто не будет препятствовать; а пока я еще дышу, потерпи сожительство со мной; не прогневляй Бога тщетно и напрасно, подвергая таким бедствиям меня, не сделавшую тебе никакого зла. Если ты можешь обвинять меня в том, что я вовлекаю тебя в житейские заботы и заставляю печься о твоих делах, то беги от меня как от недоброжелателей и врагов, не стыдясь ни законов природы, ни воспитания, ни привычки, и ничего другого; если же я делаю все, чтобы доставить тебе полное спокойствие в течение жизни, то, если не что другое, по крайней мере эти узы пусть удержат тебя при мне. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто из них не доставит тебе такого спокойствия; потому что нет никого, кто бы заботился о твоем благополучии столько, сколько – я».

[8] 6. Это и еще больше этого говорила мне мать, а я передал благородному другу; но он не только не убедился этими словами, а еще с большим усилием убеждал меня исполнить прежнее намерение. Когда мы были в таком состоянии, и часто он упрашивал, а я не соглашался, вдруг возникшая молва возмутила обоих нас; пронесся слух, будто намереваются возвести нас в сан епископства. Как скоро я услышал эту весть, страх и недоумение объяли меня: страх того, чтобы не взяли меня против моей воли; недоумение – потому что, часто размышляя, откуда у людей явилось подобное предположение обо мне, и углубляясь в себя самого, я не находил в себе ничего достойного такой чести. А благородный (друг мой), пришедши ко мне и наедине сообщив эту весть мне, как бы не слышавшему ее, просил меня и в настоящем случае, как и прежде, действовать и мыслить одинаково, уверяя, что он со своей стороны готов следовать за мной, какой бы я ни избрал путь, убежать ли или быть

избранным. Тогда я, увидев готовность его и думая, что я нанесу вред всему обществу церковному, если, по своей немощи, лишу стадо Христово юноши прекрасного и способного к предстоятельству над народом, не открыл ему своего мнения об этом, хотя прежде никогда не скрывал от него ни одной моей мысли; но сказав, что совещание об этом должно отложить до другого времени, так как теперь нет необходимости спешить, скоро убедил его не заботиться об этом и твердо надеяться на меня, как единодушного с ним, если действительно случится с нами что-нибудь такое. По прошествии некоторого времени, когда прибыл тот, кто имел рукоположить нас, а я между тем скрылся, друг мой, не знавший ничего этого, отводится под некоторым другим предлогом и принимает это иго, надеясь по моим ему обещаниям, что и я непременно последую за ним, или лучше, думая, что он следует за мной. Некоторые из присутствовавших там, видя его сетующим на то, что взяли его, усилили недоумение, взывая: «Несправедливо будет, когда тот, кого все считали человеком более смелым, – разумея меня, – с великим смирением покорился суду отцов; этот более благоразумный и скромный станет противиться и тщеславиться, упорствовать, отказываться и противоречить». Он послушался этих слов; когда же услышал, что я убежал, то пришел ко мне с великой скорбью, сел возле меня и хотел что-то сказать, но от душевного волнения не могши выразить словами испытываемой скорби, как только порывался говорить, останавливался; потому что печаль прерывала его речь прежде, чем она вырывалась из уст. Видя его в слезах и в сильном смущении и зная тому причину, я выражал смехом свое великое удовольствие и, взяв его руку, спешил облобызать его и славил Бога, что моя хитрость

достигла конца благого и такого, какого я всегда желал. Он же, видя мое удовольствие и восхищение и узнав, что еще прежде с моей стороны была употреблена с ним эта хитрость, еще более смущался и горевал.

[9] 7. Когда волнение души его немного утихло, он сказал: – Если уже ты презрел меня, и не обращаешь на меня никакого внимания, – не знаю, впрочем, за что, – по крайней мере тебе надлежало бы позаботиться о твоей чести; а теперь ты открыл всем уста; все говорят, что ты из тщеславия отказался от этого служения, и нет никого, кто бы защитил тебя от такого обвинения. А мне нельзя даже выйти на площадь: столь многие подходят ко мне и укоряют каждый день. Знакомые, увидев меня где-нибудь в городе, отводят в сторону и большей частью осыпают меня укоризнами. «Ты, – говорят они, – зная его мысли, – ибо он не таил от тебя ничего, что до него касалось, – не должен бы скрывать их, а сообщил бы нам, и конечно мы приняли бы меры к его уловлению.» Но я краснею и стыжусь сказать им, что мне неизвестно было твое давнее намерение, чтобы не подумали, что дружба наша была лицемерной. Если это так, – как и на самом деле так, от чего и ты не отречешься после настоящего твоего поступка со мной, – то от посторонних людей, сколько-нибудь знающих нас, нужно скрыть наше недоброе отношение. Сказать им правду, как было дело между нами, я не решаюсь; поэтому принужден молчать, потуплять глаза свои в землю, уклоняться и избегать встречных. Если даже я избегну первого нарекания (в неискренности дружбы), то непременно будут укорять меня за ложь. Они никогда не согласятся поверить мне в том, чтобы ты и Василия сравнил с другими, которым не следует знать твои тайны. Впрочем, я и не забочусь много об этом: так тебе было угодно; но как перенесем позор

других обвинений? Одни приписывают тебе гордость, другие – честолюбие; а те из обвинителей, которые еще безжалостнее, осуждают нас за то и другое вместе и прибавляют, что мы оскорбили самих избирателей, о которых говорят: «справедливо они потерпели это, хотя бы и большему подверглись бесчестию от нас, за то, что оставив столь многих и столь почтенных мужей, избрали юношей, которые, так сказать, вчера еще были погружены в житейские заботы и на короткое время приняли степенный вид, надели серое платье и притворились смиренными, и вдруг возвели их в такое достоинство, о котором они и во сне не мечтали. Те, которые от самого первого возраста до глубокой старости продолжают свое подвижничество, остаются в числе подчиненных; а ими управляют их дети, даже не слыхавшие о тех законах, которыми должно руководствоваться в управлении». С такими и еще большими укоризнами они постоянно пристают ко мне, а я не знаю, чем мне защищаться против этого; прошу тебя, скажи мне. Думаю, что ты не просто и не без причины обратился в бегство и открыто объявил вражду столь великим мужам, но конечно решился на это с какой-нибудь обдуманной и определенной целью, из этого я заключаю, что у тебя готова речь и для оправдания. Скажи же, какую справедливую причину мы можем представить нашим обвинителям. А что ты несправедливо поступил со мною, за это я не виню тебя: ни за твой обман, ни за твою измену, ни за то расположение, которым ты пользовался от меня во все прежнее время. Я душу свою, так сказать, принес и отдал в твои руки, а ты так хитро поступил со мной, как будто тебе надлежало остерегаться каких-нибудь неприятностей. Если ты признавал полезным это намерение (избрания в

епископа), то тебе не следовало лишать себя пользы от него; а если вредным, то следовало предохранить от вреда и меня, которого, по твоим словам, ты всегда предпочитал всем. А ты сделал все, чтобы я попался, и не опустил никакого коварства и лицемерия против того, кто привык говорить и поступать с тобой просто и без коварства. Впрочем я, как уже сказал, нисколько не виню тебя за это, и не укоряю за одиночество, в котором ты меня оставил, прервав те совещания, от которых мы часто получали и удовольствие, и немаловажную пользу; но все это я оставляю и переношу молчаливо и кротко, не потому впрочем, чтобы поступок твой со мной был кроток, но потому, что с того самого дня, когда вступил в дружбу с тобой, я поставил себе правилом – никогда не доводить тебя до необходимости оправдываться в том, чем ты захотел бы огорчить меня. Что ты нанес мне немалый вред, это знаешь и сам ты, если помнишь, что всегда говорили посторонние о нас и мы сами о себе, именно, что весьма полезно для нас быть единодушными и ограждать себя взаимной любовью. Прочие все даже говорили, что наше единодушие принесет немалую пользу и многим другим, хотя я со своей стороны никогда не думал, чтобы мог доставить пользу другим, но говорил, что от этого, по крайней мере, мы получим ту немалую пользу, что будем неприступными для желающих нападать на нас. Об этом я никогда не переставал напоминать тебе. Теперь трудное время: зложелателей много; искренняя любовь исчезла; место ее заступила пагубная ненависть; мы ходим *«посреде сетей»*, и шествуем *«по забралам града»* (Сир.9:18); людей, готовых радоваться постигающим нас несчастьям, много; они отовсюду окружают нас; а соболезнующих – нет никого, или очень мало. Смотри, чтобы нам, разлучившись, когда-нибудь не навлечь на

себя великого осмеяния и еще большого вреда. *«Брат от брата помогаем, яко град тверд... и якоже основаное царство»* (Притч.18:19). Не разрывай же этого единения, не разрушай этого оплота. Непрестанно я говорил тебе это и больше того, ничего не подозревая и считая тебя совершенно здравым в отношении ко мне, и только от избытка чувств желая предложить врачевание здравствующему; но я не знал, как оказывается, что давал лекарство больному; и таким образом, я несчастный ничего не достиг, и не произошло для меня никакой пользы от такой заботливости. Ты вдруг отверг все это и не подумал, что пустил меня, как не нагруженный корабль, в беспредельное море, и не представил себе тех свирепых волн, с которыми должно мне бороться. Если случится, что откуда-нибудь нападет на меня клевета или осмеяние, или другая какая обида и неприязнь (а это нередко должно случаться), то к кому я тогда прибегну? Кому сообщу свое уныние? Кто захочет помочь мне, отразить оскорбителей и заставить их не оскорблять более, а меня утешит и подкрепит переносить непристойности других? Нет никого, так как ты стал далеко от этой жестокой борьбы и не можешь даже услышать моего голоса. Знаешь ли ты, сколь великое сделал ты зло? Признаешь ли, по крайней мере после поражения, какой смертельный удар ты нанес мне? Но оставим это; сделанного же невозможно исправить, и из безвыходного положения – найти выход. Но что мы скажем посторонним? Чем будем защищаться против их обвинений?

[10] 8. **Златоуст**. – Будь спокоен, – отвечал я, – не только в этом я готов дать отчет, но и в том, в чем ты прощаешь меня, постараюсь оправдаться, сколько могу. И если угодно, с этого прежде всего начну свою защиту. Я был

бы весьма безрассуден и неблагодарен, если бы, заботясь о мнении людей посторонних и принимая все меры к прекращению их укоризн нам, не мог уверить в невинности моей того, кто для меня любезнее всех, и кто столько щадит меня, что не желает обвинять даже за то, в чем, по его словам, я виновен перед ним, и не заботясь о себе, еще продолжает печься о мне, – если бы показал более невнимания в отношении к такому человеку, нежели сколько он показал заботливости о мне. Итак, чем я оскорбил тебя? Отсюда я намерен пуститься в море защиты. Тем ли, что употребил хитрость перед тобою и скрыл мое намерение? Но это служило к пользе и твоей, когда ты обманулся, и тех, которым посредством укрывательства я выдал тебя. Если укрывательство во всех отношениях есть зло и никогда нельзя употреблять его даже на пользу, то я готов принять наказание, какое тебе угодно, или лучше, так как ты никогда не согласишься наказать меня, я сам себя накажу так, как наказывают судьи преступников, обличенных обвинителями. Если же оно не всегда бывает вредно, но делается худым или хорошим по намерению действующих, то оставь обвинять за то, что ты обманулся, а докажи, что эта хитрость употреблена была на зло; а пока это не будет доказано, не только не должно укорять и обвинять, но справедливо было бы, если бы желающие быть признательными даже хвалили употребившего хитрость. Хитрость благовременная и сделанная с добрым намерением приносит такую пользу, что многие часто подвергались наказанию за то, что не воспользовались ей. Припомни, если хочешь, отличнейших из военачальников, начиная с глубокой древности, и ты увидишь, что их трофеи большей частью были следствием хитрости, и такие более прославляются, чем те, которые побеждали

открытой силой. Последние одерживают верх с великой тратой денег и людей, так что никакой выгоды не остается им от победы, но победители бедствуют нисколько не меньше побежденных и от истребления войска, и от истощения казнохранилища; притом они не могут наслаждаться вполне и славой победы, ибо немалая часть ее принадлежит иногда и побежденным, которые побеждаются только телами, преодолевая душами, и если бы возможно было им не падать от ударов и постигшая смерть не сразила их, они никогда не потеряли бы мужества. А победивший хитростью подвергает неприятелей не только бедствию, но и посмеянию. Там оба (и победители, и побежденные) равно получают похвалы за мужество; а здесь – относительно благоразумия не так, но трофей всецело принадлежит победителям и, что не менее важно, они приносят в город радость о победе безукоризненную. Изобилие денег и множество людей не то, что благоразумие души; те истрачиваются, когда кто непрестанно пользуется ими на войне, и пользовавшиеся лишаются их; а благоразумие, чем более кто употребляет его в дело, тем более обыкновенно увеличивается. И не на войне только, но и в мирное время можно находить великую и необходимую пользу от хитрости, и не только в делах общественных, но и в домашних, у мужа в отношении к жене и у жены к мужу, у отца к сыну, и у друга к другу и даже у детей к отцу. Так дочь Саула не могла бы иначе исхитить мужа своего из рук Саула, если бы не употребила хитрости в отношении к отцу, и брат ее (Ионафан), желая спасенного ею спасти от новой опасности, воспользовался тем же самым средством, каким и жена (Давидова) (1Цар.19:1–20).

[11] **Василий** сказал: – Все это не относится ко мне; я не враг и неприятель и не из числа желающих причинить обиду, но совершенно напротив; поверяя всегда твоему усмотрению все мои мысли, я поступал так, как ты приказывал.

[12] 9. **Златоуст**. – Но, почтеннейший и добрейший, для того я и сказал предварительно, что не только на войне и против врагов, но и во время мира, и в отношении к любезнейшим полезно употреблять хитрость. Что действительно это бывает полезно не только употребляющим хитрость, но и тем, в отношении к которым она употребляется, для этого подойди к кому-нибудь из врачей и спроси, как они излечивают больных, и ты услышишь от них, что они не всегда довольствуются одним искусством своим, но иногда употребляют и хитрость и при ее помощи восстанавливают здоровье больных. Когда упрямство больных и жестокость самой болезни делают недействительными советы врачей; тогда, по необходимости, врачи прибегают к хитрости, чтобы, как на сцене, можно было скрыть истину. Если хочешь, я расскажу тебе одну хитрость из многих, которые, как я слышал, устроят врачи. К одному человеку пристала вдруг сильная горячка и жар увеличивался; все средства, которые могли бы утушить огонь, больной отвергал, а желал и усильно настаивал, умоляя всех приходящих к нему, принести ему много вина и дать ему утолить мучительную жажду. Но кто согласился бы доставить ему это удовольствие, тот не только усилил бы горячку, но и привел бы несчастного в умопомешательство. Тогда, когда искусство было бессильно и не имело более средств, но совершенно было отвергнуто, употребленная хитрость показала такую силу, как тотчас услышишь от меня. Врач

берет глиняной сосуд, лишь только вынутый из печи, погружает его в вино, и потом, вынув его пустым, наполняет его водой; комнату, в которой лежал больной, приказывает сделать темной посредством многих занавесок, дабы свет не изобличил хитрости, и дает больному пить из сосуда, как бы наполненного вином. Тот, прежде нежели взял сосуд в руки, вдруг обольщенный запахом вина, не хотел и разбирать того, что было дано ему; но, уверяемый обонянием, обманываемый темнотой и побуждаемый сильным желанием, выпил данное ему с великой охотой; и, насытившись, тотчас получил облегчение от жара и избег угрожавшей опасности. Видишь ли пользу хитрости? Но если бы исчислять все хитрости врачей, то не было бы и конца слову. И можно указать, что не только врачующие тела, но и пекущиеся об исцелении душевных болезней, часто пользуются таким врачеством. Так блаженный (Павел) привел ко Христу многие тысячи иудеев (Деян.11:20–26). С этим намерением он обрезал Тимофея, тогда как к Галатам писал, что *«Христос... ничтоже пользует»* обрезывающимся. (Деян.16:3; Гал.5:2). Для того он был под законом, хотя считал *«тщетою»* оправдание от закона при вере во Христа (Флп.3:7–9). Велика сила такой хитрости, только бы она употреблялась не со злонамеренной целью; или лучше сказать, её должно называть не хитростью, но некоторой предусмотрительностью, благоразумием и искусством, способствующим находить много выходов в безвыходных положениях и исправлять душевные недостатки. Так, я не назову Финееса убийцею, хотя он одним ударом пронзил двух человек (Числ.25:8); также и Илию – за сто (убитых) воинов с их военачальниками и за обильный поток крови, пролитой им при убиении жрецов демонских (4Цар.1;

3Цар.18). Если же мы опустим это из виду, и если кто будет смотреть на одни дела, не принимая во внимание намерения действовавших, тот может и Авраама обвинить в детоубийстве, а внука и потомка его обвинить в злодеянии и коварстве; потому что один (Иаков) овладел первородством (брата своего), а другой (Моисей) перенес египетские сокровища в израильское войско (Быт.27; Исх.12:35–36). Но нет, нет; не допустим такой дерзости! Мы не только не виним их, но и прославляем их за это; потому что сам Бог восхвалил их за это. Обманщиком справедливо должен называться тот, кто пользуется этим средством злонамеренно, а не тот, кто поступает так со здравым смыслом. Часто нужно бывает употребить хитрость, чтобы достигнуть этим искусством величайшей пользы; а стремящийся по прямому пути нередко наносит великий вред тому, от кого не скрыл своего намерения.

Слово 2

[1] Священство есть наивысшее доказательство любви, какое только можно дать в отношении к Иисусу Христу. – Преимущества священства. – Кровь Иисуса Христа есть цена душ. – Любовь Иисуса Христа к Своей Церкви. – Обязанности священства более важны, чем всякого другого положения. – Мало достойных для него. – Ответственность священника. – Враги стада Христова. – Лечение душ труднее, чем лечение овец. – Трудность постижения самой причины боления душ. – Нет другого средства, кроме убеждения. – Священство требует превосходной души. – Насколько благоразумие необходимо священнику. – Священство есть должность, исполненная затруднений и опасностей. – Необходимость вполне знать кандидата на священство. – Превосходные свойства человеколюбия. – Похвала Василию. – Его человеколюбие. – Почему Златоуст отказался от епископства. – Его отказ не только не послужил ко вреду избирателей, но избавил их от нареканий, которым они иначе подверглись бы.

[2] 1. – Что позволительно употреблять силу хитрости на добро и что даже нельзя и называть ее хитростью, а некоторой похвальной предусмотрительностью, об этом

можно было бы говорить еще больше; но так как для доказательства достаточно сказанного, то было бы обременительно и скучно без нужды распространять речь об этом. Остается тебе самому подтвердить: действительно ли послужил к твоей пользе совершенный мною поступок?

3 **Василий** сказал: – Какая же произошла для меня польза из этой предусмотрительности или благоразумия, или как иначе угодно тебе назвать это, по которой я убедился бы, что я не обманут тобою?

4 **Иоанн**. – А может ли что быть, – сказал я, – важнее той пользы, как оказаться исполняющим то, что служит доказательством любви ко Христу, по словам самого Христа? Обращаясь к верховному из апостолов Он говорит: «Петр, *любиши ли Мя?* – и когда тот исповедал любовь свою, Он прибавляет.– Если любишь Меня, *паси овцы Моя»* (Ин.21:15–16). Учитель спрашивает ученика, любим ли Он им не для того, чтобы Самому узнать это (ибо может ли не знать Испытующий сердца всех?), но чтобы научить нас, как Он печется о пасении этого стада. Если же это очевидно, то будет также ясно и то, что великая и неизъяснимая уготована награда принимающему на себя тот труд, который дорого ценится Христом. Если и мы, видя людей, пекущихся о наших слугах или стадах, принимаем такое попечение их за знак их любви к нам, хотя все это приобретается за деньги, то Стяжавший себе это стадо не деньгами и не другим чем, но собственной смертью, и вместо цены давший за него Кровь Свою, каким даром вознаградит пасущих его? Посему, когда ученик отвечал: *«Господи, Ты веси, яко люблю Тя»* (Ин.21:16) и призвал самого Любимого в свидетели своей любви, то Спаситель не остановился на

этом, но указал и самый знак любви. Ибо Он хотел показать тогда не то, сколько Петр любил Его, – это уже из многого было известно нам, – но сколько Он сам любит Церковь Свою, и благоволил научить и Петра, и всех нас, чтобы и мы прилагали великое о ней попечение. Для чего Бог не пощадил и Единородного Сына Своего, *«но...предал Его»* (Рим.8:32; Ин.16)? Для того, чтобы примирить с Собой людей, находившихся с Ним во вражде, и сделать их *«народом избранным»* (Тит.2:14). Для чего (Сын Божий) пролил кровь Свою? Для того, чтобы приобрести тех овец, которых Он вверил Петру и его преемникам. Не без причины Христос говорил: *«Кто убо есть верный раб и мудрый, егоже поставит господин его над домом своим»* (Мф.24:45)? Опять слова имеют вид недоумения, но Произносивший их не имел недоумения; как спрашивая Петра, любим ли Он им, Он спрашивал не потому, чтобы имел нужду узнать любовь ученика, но чтобы показать чрезмерность Своей любви; так и здесь слова: *«кто...верный раб и мудрый»*, Он сказал не потому, что не знал верного и мудрого раба, но желая показать, как редки такие рабы и как важно это управление. Смотри, какова и награда: *«...над всем имением своим поставит его»* (Мф.24:47).

[5] 2. Еще ли будешь подозревать меня в том, будто употреблена недобрая хитрость с тобой, имеющим блюсти всё достояние Божие и совершать то, за исполнение чего, как сказал Христос, Петр мог превзойти прочих апостолов? «Петр, – говорит Христос, – *любиши ли Мя паче сих?...Паси овцы Моя»* (Ин.21:15–16). Он мог бы сказать ему: если любишь Меня, подвизайся в посте, спи на голой земле, бодрствуй непрестанно, защищай притесняемых, будь сиротам вместо отца и матери их вместо мужа; но теперь, оставив все это, что говорит Он?

«Паси овцы Моя». То, что выше я сказал, легко могли бы исполнить многие и из пасомых, не только мужи, но и жены; а когда нужно предстоятельствовать в Церкви и взять на себя попечение о столь многих душах, то весь женский пол и большая часть мужского должны устраниться от этого великого дела, а выступить те, которые много превосходят всех и столько превышают прочих душевной добродетелью, сколько Саул (превосходил) весь народ еврейский высотой тела (1Цар.10:23), или еще гораздо более; ибо здесь не мера только телесной величины должна приниматься во внимание, но сколько одаренные разумом люди отличаются от бессловесных, такое же должно быть различие между пастырем и пасомыми, даже можно сказать и более, так как находится в опасности гораздо важнейшее. Кто погубит овец, которых или волки расхитят, или разбойники разграбят, зараза или другой какой несчастный случай истребит, тот, может быть, получит себе некоторую пощаду от господина стада; если же и потребуется от него отчет, то ущерб будет только в деньгах; но кому вверены люди, это разумное стадо Христово, тот, во-первых, погибелью таких овец наносит ущерб не имуществу, а душе своей; а затем и подвиг предстоит ему гораздо важнейший и труднейший. Он борется не с волками, страшится не разбойников и заботится не о том, чтобы отвратить заразу от стада, но с кем у него война и с кем борьба? Послушай блаженного Павла, который говорит: *«несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным»* (Еф.6:12). Видишь ли страшное множество врагов и свирепые полчища, вооруженные не железом, но имеющие достаточную силу в самом существе своем вместо всякого

оружия? Хочешь ли видеть и другое войско, дерзкое и жестокое, которое нападает на это стадо? Можешь увидеть и его с той же самой высоты (Священного Писания). Тот же, кто сказал нам о первых, указывает нам и этих врагов в следующих словах: *«Явлена суть дела, плотская, яже суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, студодеяние, идолослужение, чародеяния, вражды, рвения, завиды, ярости, распри»* (Гал.5:19–20), *«…клеветы, шептания, кичения, нестроения»* (2Кор.12:20) и другие многочисленнейшие; ибо не все он исчислил, но предоставил по этому заключать и о прочем. Притом у пастыря бессловесных намеревающиеся разграбить стадо, когда увидят, что страж обратился в бегство, оставляют борьбу с ним и довольствуются расхищением стада; а здесь враги хотя бы захватили все стадо, и тогда не отстают от пастыря, но сильнее наступают и более свирепствуют, и не прежде прекращают борьбу, пока или его одолеют, или сами будут побеждены. Кроме того, болезни у овец бывают явны, голод ли то, зараза ли, рана или что другое, причиняющее вред; а это немало способствует к излечению болезни. Есть нечто и другое важнейшее, что ускоряет здесь исцеление от болезни. Что же именно? Пасущие овец могут с полной властью заставить их принять врачевство, если они добровольно не хотят этого; когда нужно прижечь и отсечь, то легко могут и связать их, и не выпускать долгое время, если это полезно, и дать пищу одну вместо другой, и удержать от питья, и все прочее, что только найдут полезным для здоровья животных, они могут употребить с великим удобством.

[6] 3. Но болезни человеческие, во-первых, нелегко видеть человеку; ибо никто *«от человек не весть, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем»*

(1Кор.2:11). Как же можно употребить лекарство против болезни, не зная ее свойства, а часто не зная и того, болен ли кто или нет? Если же болезнь открыта, тогда врачу еще более предстоит трудности; потому что он не может с такой же властью лечить всех людей, с какой пастух овцу. И здесь бывает нужно связывать и удерживать от пищи, прижигать и отсекать; но чтобы принято было врачевание, в этом властен не тот, кто предлагает врачевство, а кто страдает болезнью. Зная это, и тот дивный муж (Павел) говорил коринфянам: *«не яко обладаем верою вашею, но яко споспешницы есмы вашей радости»* (2Кор.1:24). Христианам преимущественно перед всеми запрещается – насилием исправлять впадающих во грехи. Внешние (языческие) судьи, подвергая преступников суду по законам, показывают большую власть над ними, и против воли удерживают их от их навыков; а здесь должно исправлять грешника не насилием, а убеждением. И законами нам не дана такая власть к удержанию грешников; и даже если бы и была дана, мы не могли бы воспользоваться этой силой, так как Бог награждает тех, которые воздерживаются от пороков по доброй воле, а не по принуждению. Посему требуется много искусства для того, чтобы страждущие убедились добровольно подвергнуться врачеванию от священников, и даже чтобы благодарили их за врачевание. Если связанный освободит себя от уз (ибо он властен на это), то увеличит свое бедствие; и если презрит слова, рассекающие подобно железу, то этим пренебрежением прибавит себе новую рану, и средство врачевания сделается причиной тягчайшей болезни; ибо с принуждением и против желания больного никто не может лечить его.

[7] 4. Что же делать? Если легко поступить с тем, кто нуждается в сильном врачевании, и не глубоко разрезать рану тому, кто имеет нужду в этом, то рану частью уврачуешь, а частью нет; если же без пощады произведешь надлежащее рассечение, то больной иногда может, не вытерпев мучения, вдруг отвергнуть всё, и лекарство и перевязку, и устремиться в пропасть, сбросив иго и разорвав узы. Я могу указать на многих, дошедших до крайней степени зла, потому что на них было наложено наказание, соответствующее их грехам. Определять наказание по мере грехов должно не просто, но соображаясь с расположением грешников, чтобы, зашивая разрыв, не сделать большей прорехи, и стараясь поднять падшего, не причинить еще большего падения. Немощные и расслабленные и наиболее преданные удовольствиям мира, и притом превозносящиеся своим происхождением и властью, если будут отклоняемы от грехов своих постепенно и мало-помалу, могут хотя и не совершенно, то, по крайней мере, отчасти освободиться от обладающих ими пороков; а если кто вдруг предложит им вразумление, тот лишит их и малейшего исправления. Душа, если принуждением хотя раз будет приведена в стыд, впадает в нечувствительность и после того уже не слушается и кротких слов, не преклоняется и угрозами, не трогается и благодеяниями, но бывает гораздо хуже того города, который порицая, пророк говорил: *«лице жены блудницы бысть тебе, не хотела еси постыдетися ко всем»* (Иер.3:3). Посему пастырю надобно иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души. Как многие приходят в ожесточение и предаются отчаянию в своем спасении потому, что не могут переносить жестокого врачевания; так, напротив, есть и такие, которые, не

получив наказания соответственного грехам, предаются беспечности, становятся гораздо хуже и решаются грешить еще больше. Итак, долг священника – ничего такого не оставлять без испытания, но, по строгом исследовании всего, употреблять соответственные меры со своей стороны, чтобы усердие его не осталось тщетным. И не в этом только можно видеть трудность его деятельности, но и в присоединении к Церкви отделившихся от неё членов. Стадо идет вслед своего пастыря, куда он поведет его; если же какие овцы уклонятся от прямого пути и, удалившись от хорошей пажити, будут блуждать по неплодным и утесистым местам, то ему следует только закричать сильнее, чтобы опять собрать отделившихся и присоединить к стаду; а если человек совратится с пути правой веры, то пастырю предстоит много трудов, усилий, терпения. Человека нельзя ни силой влечь, ни страхом принуждать, но должно убеждением опять приводить к истине, от которой он раньше отпал. Посему нужна душа мужественная, чтобы не ослабеть, чтобы не отчаяться в спасении заблуждающихся, чтобы непрестанно и мыслить, и говорить: *«еда́ како даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диаволския сети»* (2Тим.2:25–26). Посему и Господь, беседуя с учениками, сказал: *«кто убо верный …раб и мудрый»* (Мф.24:45)? Подвизающийся сам по себе приносит пользу одному себе, а польза от пастырской деятельности простирается на весь народ. Раздающий деньги нуждающимся, или каким-либо другим образом помогающий притесняемым, приносит некоторую пользу ближним, но настолько меньше священника, насколько тело ниже души. Поэтому справедливо Господь сказал, что попечение о Его стаде есть знак любви к Нему Самому.

[8] **Василий.** – А ты разве не любишь Христа?

[9] **Златоуст.** – Люблю, и никогда не перестану любить, но боюсь, чтобы не оскорбить Любимого мною.

[10] **Василий** сказал: – Может ли что быть темнее этой загадки? Христос повелел любящему Его пасти овец Его; а ты отрекаешься пасти потому, что любишь Повелевшего это.

[11] **Златоуст.** – Никакой нет загадки в словах моих, – сказал я, – напротив они весьма ясны и просты. Если бы я, имея возможность исполнять эту должность так, как хотел Христос, уклонялся от неё, то следовало бы недоумевать при словах моих; но если душевная немощь делает меня неполезным для этого служения, то требуют ли пояснения слова мои? Я боюсь, чтобы, приняв стадо Христово здравым и крепким и потом по невнимательности причинив ему вред, мне не прогневать против себя Бога, Который так возлюбил его, что для искупления и спасения его предал Самого Себя.

[12] **Василий** сказал: – Это говоришь ты в шутку; а если не в шутку, то я не знаю, чем другим ты лучше мог бы доказать, что я справедливо скорблю, как не этими словами, которыми ты старался рассеять мое уныние. Я и прежде сознавал, что ты хитрил и выдавал меня, но теперь, когда ты усиливался освободиться от обвинений, я еще более уверился в том и ясно вижу, до каких бед ты довел меня. Если ты устранил себя от этого служения по сознанию, что душа твоя недостаточно сильна для тяжести этого дела, то наперед нужно бы устранить меня, хотя бы даже я сильно стремился к тому, тем более, что я сообщил тебе все мои намерения касательно этого; а теперь ты, заботясь только о себе, забыл меня, – и о, если

бы только забыл, и это было бы вожделенно; – но ты нарочито устроил, чтобы искавшие удобнее могли взять меня. Ты не можешь прибегнуть и к тому оправданию, будто людское мнение увлекло тебя и расположило подозревать во мне нечто великое и дивное. Я не принадлежу к людям, приобретшим удивление и славу, а если бы это и было так, и тогда не следовало бы людскую молву предпочитать истине. Если бы мы с тобой никогда не жили в близком общении друг с другом, то ты имел бы некоторую благовидную причину судить обо мне по людской молве; если же никто так не знал меня, как ты, и душа моя была известна тебе более, нежели самим родителям и воспитателям моим, то какие убедительные слова могут уверить кого-нибудь в том, что ты не с намерением ввергнул меня в такую опасность? Но оставим теперь это; я не принуждаю тебя оправдываться в этом; скажи, что мы будем отвечать обвинителям?

13 **Златоуст.** – Я не приступлю к этому до тех пор, – сказал я, – пока не оправдаюсь перед тобою, хотя бы ты сам тысячекратно извинял меня. Ты сказал, что если бы я, не зная тебя, довел тебя до настоящего положения, то неведение доставило бы мне оправдание, освободив меня от всякого обвинения; а так как я предал тебя не по неведению, но совершенно зная тебя, поэтому нет у меня никакой благовидной и справедливой причины к моему оправданию. Но я говорю совсем противное; потому что в этих делах требуется строгое испытание, и тот, кто намерен представить способного к священству, не должен довольствоваться только людской молвой, но вместе с тем более всех и прежде всех сам должен удостовериться в его способностях. Блаженный Павел, сказав: «*подобает же ему и свидетельство добро имети от внешних*» (1Тим.3:7), этим не отвергает нужды в строгом и верном

испытании и не поставляет этого свидетельства главнейшим признаком достоинства таких лиц. Предварительно сказав о многом, он после присовокупил и это, показывая тем, что в избрании не должно довольствоваться этим одним признаком, но вместе с другими принимать во внимание и этот. Молва людская часто бывает обманчива; а после предварительного строгого испытания нельзя от неё опасаться никакой опасности. Посему, после прочего он упоминает и о свидетельстве *«от внешних»*. Он не просто сказал: *«подобает же ему свидетельство добро имети»*, но прибавил: и *«от внешних»*, желая изъяснить, что свидетельству внешних должно предшествовать строгое испытание. А так как я сам знал тебя лучше родителей твоих, как ты засвидетельствовал, то, по справедливости, я могу быть свободным от всякой вины.

14 **Василий** сказал: – По этой самой причине ты и не мог бы оправдаться, если бы кто захотел обвинять тебя. Или не помнишь того, о чем и я многократно говорил тебе и что ты видел на самом деле, как немощна душа моя? Не потому ли ты постоянно смеялся над моим малодушием, что при малейших заботах я скоро падал духом?

15 5. **Златоуст.** – Помню, – сказал я, – что часто слышал от тебя такие слова, и не отрекусь. Если же я когда-нибудь смеялся, то делал это в шутку, а не по правде. Впрочем, теперь я не буду спорить об этом; не прошу и тебя быть искренним передо мной, когда я стану припоминать о некоторых из присущих тебе добродетелей. Если ты вздумаешь обличать меня в неправде, то я не пощажу тебя, но докажу, что ты возражаешь более по скромности, чем по справедливости, и приведу во свидетельство истины слов моих не что другое, а твои же слова и дела.

Во-первых, я хочу спросить тебя: знаешь ли ты, какова сила любви? Христос, не упоминая обо всех чудесах, которые имели быть совершены апостолами, сказал: *«о сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою»* (Ин.13:35); а Павел говорит, что любовь есть *«исполнение закона»* (Рим.13:10), и что без неё и дарования не приносят никакой пользы (1Кор.13:1–2). Это-то превосходное сокровище, отличительное свойство учеников Христовых, превышающее дарования, я видел крепко насажденным в душе твоей и приносящим обильные плоды.

16 **Василий** сказал: – Сознаюсь, что я много забочусь об этом и очень стараюсь соблюдать эту заповедь; но что еще и вполовину не исполнил ее, это и сам ты засвидетельствуешь, если, оставив лесть, захочешь говорить истину.

17 **Златоуст.** – Итак я обращусь к доказательствам, – сказал я, – и чем угрожал, то теперь и сделаю, именно докажу, что ты хочешь быть более скромным, чем справедливым. Расскажу одно событие, недавно случившееся, не упоминая о прежнем, дабы кто не подумал, что я стараюсь давностью времени затемнить истину; здесь самая близость времени не позволит мне прикрыть что-нибудь льстивыми словами.

18 6. Когда один из наших друзей, оклеветанный в проступках дерзости и гордости, подвергался крайней опасности, и тогда как никто не призывал тебя и сам обвиняемый не просил, ты сам себя ввергнул в опасности. Так было дело; но чтобы обличить тебя и словами твоими, припомню и сказанное тобой. Когда такую ревность твою одни порицали, другие хвалили и превозносили, ты сказал порицателям: «Что делать? – Иначе не умею любить, как

жертвуя душой моей, когда нужно спасти кого-либо из друзей, находящагося в опасности», повторив, хотя другими словами, но в том же смысле, слова Христовы, которые Он сказал ученикам, определяя совершенную любовь: «*Больши сея любве*, – говорил Он, – *никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя*» (Ин.15:13). Таким образом, если нет высшей степени любви, ты успел дойти до конца: и делами, и словами своими достиг самой вершины её. Посему я и предал тебя, посему и придумал такую хитрость. Теперь убедил ли я тебя, что не из зложелательства и не с намерением ввергнуть в опасность, но предвидя пользу, я привлек тебя на это поприще?

19 **Василий** сказал: – Итак, ты думаешь, что для исправления ближних достаточно силы любви?

20 **Златоуст.** – Большею частью, – сказал я, – она весьма может содействовать этой цели; если же ты желаешь, чтобы я привел доказательства и твоего благоразумия, то приступлю и к этому и докажу, что ты благоразумен более, нежели сколько любвеобилен.

21 **Василий**, при этом покраснев от стыда, сказал: – Касающееся меня оставим теперь; я и вначале не требовал от тебя речи об этом; если же ты можешь сказать что-нибудь справедливое для «*внешних*», то я с удовольствием буду слушать. Посему, оставив этот пустой спор, скажи, чем мы оправдаемся перед прочими, как удостоившими тебя чести, так и перед теми, которые с сожалением смотрят на них, как бы на оскорбленных?

22 7. **Златоуст.** – Я и сам, – сказал я, – спешу перейти к этому. Так как с тобой я кончил речь, то обращусь и к этой части защиты. Какое же их обвинение, и какие

вины? Говорят, будто избиратели оскорблены и унижены тем, что я не принял чести, которой они хотели почтить меня. Но, во-первых, скажу, что не должно думать об оскорблении, наносимом людям, когда уважением к ним мы поставляемся в необходимость оскорбить Бога. И для самих огорченных оскорбляться этим, я полагаю, не только не безопасно, но и весьма вредно. Людям, посвятившим себя Богу и взирающим на Него одного, по моему мнению, должно быть столь благочестивыми, чтобы и не считать оскорблением, хотя бы им тысячу раз пришлось испытать это огорчение. А что такая или другая какая-нибудь дерзость не приходила мне и на мысль, это видно из следующего. Если бы я дошел до этого по гордости и честолюбию, – как некоторые клевещут, о чем ты неоднократно говорил, – и тем подтвердил бы мнение обвинителей, то я был бы весьма несправедлив, презрев людей достоуважаемых и великих и притом благодетелей моих. Если оскорбление, нанесенное тем, которые не сделали никакой несправедливости, достойно наказания, то люди, добровольно желавшие оказать почесть, какого не заслуживают почтения? Никто не может сказать и того, будто они, получив от меня малое или великое добро, сделали воздаяние за эти благодеяния. Какого же заслуживало бы наказания воздаяние противным тому? Если же это никогда и на ум мне не приходило, но с другим намерением я отклонил от себя тяжелое бремя, то вместо того, чтобы извинить, если не хотят оправдать, почему обвиняют меня в том, что я пощадил душу свою? Я так мало был расположен оскорблять этих мужей, что и самым отказом, думаю, почтил их. Не удивляйся, если слова мои странны; я скоро объясню их.

[23] 8. Если бы я был рукоположен, тогда, если не все, то считающие за удовольствие разносить худую молву могли

бы подозревать и говорить многое и обо мне, и об избравших меня; например: что избиратели смотрят на богатство, что предпочитают знаменитость рода, что возвели меня на эту степень за мою лесть и, даже не знаю, не стал ли бы кто-нибудь подозревать, что они подкуплены от меня деньгами; сказали бы, что Христос призывал на эту должность рыбарей, делателей шатров и мытарей; а они отвергают людей, питающихся от дневной работы, а того, кто занимается мирскими науками и проводит праздную жизнь, принимают и превозносят; почему они пренебрегли мужей, много потрудившихся в делах Церкви, а того, кто никогда и не прикасался к этим трудам, но всю жизнь свою истратил на суетное занятие мирскими науками, вдруг возвели на такую почесть? Так и еще больше того могли бы сказать, когда бы я принял эту должность. Но теперь нет; всякий предлог к злословию отнят; ни меня в ласкательстве, ни избирателей в мздоимстве не могут обвинять, разве кто захотел бы просто безумствовать. Как может употребляющий лесть и истрачивающий деньги для того, чтобы получить почесть, уступить ее другим, когда следовало самому получить? Это было бы похоже на то, если бы кто, много потрудившись над землей, чтобы жатва его изобиловала плодами и точила были преисполнены вином, после многих трудов и больших издержек, когда нужно пожинать плоды и собирать виноград, предоставил другим воспользоваться этим плодородием. Видишь ли, что хотя бы такие слова были и далеки от истины, однако желающие имели бы предлог клеветать на избирателей и говорить, что они сделали избрание не по здравому рассуждению? А теперь мы не позволим им и слова сказать, и даже просто уст открыть. Это, и еще больше того было бы говорено вначале. А

после, по вступлении в самое служение, у меня не достало бы сил каждый день оправдываться перед обвинителями, хотя бы все поступки мои были безукоризненны, разве пришлось бы в чем-нибудь погрешить по неопытности и по незрелому возрасту. Теперь я избавил избирателей и от этого обвинения, а тогда подверг бы их бесчисленным укоризнам. Чего не сказали бы? Несмышленным детям они поручили столь досточтимые и великие дела, погубили стадо Божие, забавой и посмешищем сделали христианство. Но теперь *«всякое беззаконие заградит уста своя»* (Пс.106:42). Хотя то же могут сказать и о тебе, но ты делами своими скоро докажешь, что не должно судить о благоразумии по возрасту и отличать старца по седине, и не всякого юного отстранять от этого служения, но юного по вере (новокрещенного); между тем и другим – большая разность.

Слово 3

[1] Златоуст продолжает свое оправдание. – Его отказ произошел не от гордости. – Обвинять других в неуважении к священству значит обнаруживать собственное невысокое мнение о нем. – Отказ его произошел не из тщеславия. – Любовь к славе напротив должна бы побудить его принять епископство. – Священство имеет небесный характер. – Величавая обстановка священства ветхозаветного и превосходство священства новозаветного. – Величие христианского тайнодействия. – Священник сильнее Ангелов. – Источники его могущества. – Священники ветхозаветные только давали свидетельство об исцелении проказы тела, а священники новозаветные исцеляют проказу души. – Если наши родители дают нам жизнь телесную, то священники сообщают нам жизнь духовную, и они могут нам давать ее, когда даже мы потеряли ее. – Крещение. – Покаяние. – Даже апостол Павел трепетал, размышляя о высоте своего служения. – То же самое устрашило и Златоуста. – Ясное сознание высоты священнослужения с одной стороны и сознание своей слабости – как побуждения, заставившие его отказаться от епископства.

– Другие побуждения, как заключающиеся в опасностях и трудностях, сопряженных со священнослужением. – Устранение тщеславия со всеми сопровождающими его страстями. – Чем возвышеннее священство, тем омерзительнее злоупотребления им. – Можно желать священства, но не возвышения и власти, связанных со священством. – Священник должен быть господином над самим собой: печальные последствия гнева. – Погрешности священников быстро становятся известными всем и происходящий отсюда соблазн. – Примеры неудачных избраний. – Управление вдовицами, попечение о девственницах, церковное судопроизводство, связанные с ним трудности. – Отлучение и требуемое им благоразумие.

[2] 1. Что я уклонился от чести (епископства) не для оскорбления желавших почтить меня и не для того, чтобы подвергнуть их стыду, в доказательство этого достаточно сказать и то, что уже сказано; а что я поступил так не по внушению гордости, постараюсь и это теперь объяснить тебе по силам моим. Если бы мне предстояло избрание в начальника войска или страны, и если бы я отнесся к этому с таким же расположением, то иной справедливо мог бы подозревать во мне гордость, или никто не стал бы винить меня и в гордости, а все назвали бы безрассудным;

но когда предстояло священство, которое столько выше (всякой) власти, сколько дух превосходнее плоти, тогда кто осмелится обвинять меня в гордости? И не странно ли – отказывающихся от маловажного обвинять в неразумии, а уклоняющихся от превосходнейшего освобождать от обвинения в неразумии, но обвинять в надменности? Это подобно тому, как если бы кто пренебрежительно относящегося к стаду волов и не желающего быть пастухом стал обвинять не в надменности, но в безрассудстве, а того, кто отказывается от владычества над всей вселенной и от начальствования над всемирным войском, назвал бы не безумным, а гордым. Нет, нет, не меня, а скорее самих себя обвиняют говорящие это. Ибо одна мысль о том, что возможно человеку презирать такое достоинство (священства), служит доказательством, какое мнение об этом предмете имеют сами высказывающие ее. Если бы они не считали его маловажным и обыкновенным, то им не пришло бы и на ум такое подозрение. Почему никто никогда не осмелился подумать что-нибудь подобное о достоинстве Ангелов, и сказать, что есть такая душа человеческая, которая по гордости не желала бы достигнуть достоинства ангельского естества? Это потому, что мы имеем высокое понятие о Силах Небесных, и оно не позволяет нам верить, чтобы человек мог представить себе что-нибудь выше этого достоинства. Таким образом, справедливее было бы обвинять в гордости самих тех, которые меня обвиняют в этом. Они никогда не стали бы подозревать в этом других, если бы наперед сами не признали этого предмета ничтожным. Если же они говорят, что я поступил так из честолюбия, то они окажутся противоречащими и явно сражающимися с самими собою; ибо, я не знаю, какие другие кроме этих они придумали

бы речи, если бы освободили меня от обвинений в тщеславии.

[3] 2. Если бы во мне было это тщеславие, то мне нужно бы скорее принять (избрание), чем бежать. Почему? Потому что оно принесло бы мне великую славу. Находящемуся в таком возрасте и недавно отставшему от житейских забот, вдруг оказаться для всех столь дивным, что быть предпочтенным перед людьми, проведшими всю жизнь в таких трудах, и получить избирательных голосов больше всех их – это внушило бы всем удивительные и великие мысли о мне и сделало бы меня почтенным и знаменитым. А теперь, кроме немногих, большая часть Церкви не знает меня и по имени; даже не всем будет известно, что я отказался (от призвания), а только некоторым немногим, из которых, я думаю, не все знают об этом точным образом, а вероятно многие и из них думают, что я или вовсе не был избран, или по избрании был отвергнут, как оказавшийся неспособным, а не сам убежал добровольно.

[4] 3. **Василий.** – Но знающие истину будут удивляться.

[5] **Златоуст.** – А ты же сказал, что они обвиняют меня в тщеславии и надменности. От кого же ожидать похвалы? От народа? Но он не знает дела в точности. От немногих? Но и у них превратно понято мое дело. Для того ты теперь и пришел сюда, чтобы узнать, чем можно оправдаться перед ними. Но для чего об этом теперь распространять речь? Хотя бы все знали истину, и тогда не следовало бы обвинять меня в гордости или честолюбии; потерпи немного и ты ясно увидишь это. При этом еще узнаешь и то, что немалая угрожает опасность не только тем, которые с таким дерзновением осмеливаются (принимать священство), если только есть такие люди, – чему я не верю, – но и тем, которые подозревают в этом других.

[6] 4. Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо; потому что ни человек, ни Ангел, ни Архангел, и ни другая какая-либо сотворенная сила, но сам Утешитель учредил это чинопоследование, и людей, еще облеченных плотью, соделал представителями ангельского служения. Посему священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых небесах посреди тамошних Сил. Страшны и величественны были принадлежности (богослужения) и прежде благодати, как то: звонки, яблоки, драгоценные камни на наперснике и нарамнике, митра, кидар, подир, златая дщица, Святое Святых, глубокая тишина внутри (Исх.38). Но если кто рассмотрит свойства служения благодатного, то найдет, что те страшные и величественные принадлежности незначительны (в сравнении с последними), и здесь признает истинным сказанное о Законе: «яко *не прославися прославленное в части сей, за превосходящую славу*» (2Кор.3:10). Когда ты видишь Господа закланного и предложенного, священника предстоящего этой Жертве и молящегося, и всех окропляемых этой драгоценной Кровью, то думаешь ли, что ты еще находишься среди людей и стоишь на земле, а не переносишься ли тотчас на небеса и, отвергнув все плотские помышления души, светлой душой и чистым умом не созерцаешь ли небесное? О чудо, о человеколюбие Божие! Сидящий горе с Отцом в этот час объемлется руками всех и дает Себя осязать и воспринимать всем желающим. Это и делают все очами веры. Ужели все это тебе кажется достойным презрения, или таким, над чем кто-нибудь мог бы выказать свое высокомерие? Хочешь ли видеть и из другого чуда превосходство этой Святыни? Представь перед очами

своими Илию и стоящее вокруг бесчисленное множество народа, и лежащую на камнях жертву; все другие соблюдают тишину и глубокое молчание, один только пророк молится, и затем внезапно пламень ниспадает с небес на жертву (3Цар.18:30–38); все это дивно и исполнено ужаса. Теперь перейди отсюда к совершаемому ныне и ты увидишь не только дивное, но и превосходящее всякий ужас. Предстоит священник, низводя не огонь, но Святого Духа; совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы Благодать, нисшедши на Жертву, воспламенила через нее души всех и соделала их светлейшими очищенного огнем серебра. Кто же, кроме человека совершенно исступленного или безумного, может презирать такое страшнейшее таинство? Или ты не знаешь, что души человеческие никогда не могли бы перенести огня этой Жертвы, но все совершенно погибли бы, если бы не было великой помощи Божественной благодати?

[7] 5. Кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотью и кровью, может присутствовать близ Блаженного и Бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершаются эти священнодействия и другие, не менее важные для совершенства и спасения нашего. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распоряжаться небесным, и получили власть, которой не дал Бог ни Ангелам, ни Архангелам; ибо не им сказано: *«елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси; и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех»* (Мф.18:18). Земные властители имеют власть связывать, но только тело; а эти узы связывают самую душу и проникают в небеса; что

священники совершают на земле, то Бог довершает на Небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю Небесную власть? «*Имже*, – говорит (Господь), – *отпустите грехи, отпустятся... и имже держите, держатся*» (Ин.20:23). Какая власть может быть больше этой? *«Отец ... суд весь даде Сынови»* (Ин.5:22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам. Они возведены на такую степень власти, как бы уже переселились на небеса, превзошли человеческую природу и освободились от наших страстей. Если бы царь предоставил кому-нибудь из своих подданных власть заключать в темницу и опять освобождать, кого он захочет, такой подданный у всех был бы славен и знаменит; а о том, кто получает от Бога власть настолько превосходнейшую этой, сколько небо превосходнее земли и души – тел, некоторые думают, что он получает маловажную честь, и будто бы возможно представить, что кто-нибудь из получивших этот дар будет не уважать его. Отвергнем такое безумие! Действительно безумно не уважать такую власть, без которой нам невозможно получить спасения и обетованных благ. Если никто не может войти в Царствие Небесное, *«аще ... не родится водою и Духом»* (Ин.3:5), и не *«ядущий Плоти»* Господа и не *«пиющий Крови Его»* лишается вечной жизни (Ин.6:53), а все это совершается ни кем иным, как только этими священными руками, т.е. руками священника, то как без посредства их можно будет кому-нибудь избежать геенского огня или получить уготованные венцы.

[8] 6. Священники для нас суть те мужи, которым вручено рождение духовное и возрождение крещением; через них мы облекаемся во Христа, и погребаемся вместе с Сыном Божиим и соделываемся членами этой блаженной Главы.

Посему справедливо мы должны не только страшиться их более властителей и царей, но и почитать более отцов своих; эти родили нас *«от крове* и *от похоти плотския»* (Ин.1:13), а те суть виновники нашего рождения от Бога, блаженного *«пакибытия»*, истинной свободы и благодатного усыновления. Священники иудейские имели власть очищать тело от проказы, или лучше, не очищать, а только свидетельствовать очищенных (Лев.14); и ты знаешь, как завидно было тогда достоинство священническое. А наши (священники) получили власть не свидетельствовать только очищение, но совершенно очищать, – не проказу телесную, но нечистоту душевную. Посему не уважающие их гораздо преступнее Дафана и его сообщников, и достойны большего наказания; потому что эти домогались не принадлежащей им власти (Числ.16), однако имели высокое мнение о ней и доказали это тем самым, что домогались ее с великим усилием; а теперь, когда священство украсилось гораздо более и возвысилось до такой степени, не уважать его – значит отваживаться на гораздо большую дерзость; ибо не одно и то же: домогаться не принадлежащей себе чести, и презирать такие блага; последнее настолько тяжелее первого, насколько различны между собой презрение и уважение. Есть ли такая несчастная душа, которая презирала бы столь великие блага? Я не могу представить ни одного такого человека, разве кто пришел в демонское неистовство. Впрочем, возвращусь опять к тому, о чем шла речь. Бог дал священникам больше силы, нежели плотским родителям, не только для наказаний, но и для благодеяний; те и другие столько различаются между собой, сколько жизнь настоящая от будущей. Одни рождают для настоящей жизни, другие для будущей; те не могут избавить детей своих от телесной смерти и даже

защитить от вторгшейся болезни, а эти часто спасали страждущую и готовую погибнуть душу, то употребляя кроткое наказание, то удерживая от падения при самом начале, не только учением и внушением, но и с помощью молитв. Они не только возрождают нас (крещением), но имеют власть разрешать и от последующих грехов: *«болит ли кто в вас*, – говорится (в Писании), – *да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем, во имя Господне. И молитва веры спасет болящаго, и воздвигнет его Господь: и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему»* (Иак.5:14–15). Кроме того, плотские родители не могут оказать никакой помощи детям, когда они оскорбят кого-нибудь из знатных и сильных людей, а священники часто примиряли верующих не с вельможами и не с царями, но с самим Богом, разгневанным ими. Кто после этого осмелится обвинять меня в гордости? Напротив, я думаю, что сказанное мной возбудит в душах слушателей такое благоговение, что они будут обвинять в гордости и дерзости не убегающих, но тех, которые сами приходят и стараются приобрести себе это достоинство. Если начальники городов, когда они не очень благоразумны и деятельны, подвергая города разорению, губят и себя самих, то обязавшийся украшать Невесту Христову, сколько, думаешь ты, должен иметь силы и собственной, и свыше ниспосылаемой, чтобы не погрешить?

[9] 7. Никто не любил Христа более Павла, никто более его не показал ревности, никто не был удостоен большей благодати; но и при таких преимуществах он еще боится и трепещет как за свою власть, так и за подвластных ему. *«Боюся же, да не како, якоже змий Еву прельсти лукавством своим, тако истлеют и разумы вашя от*

простоты, яже о Христе»; (2Кор.11:3) и еще: *«в …страсе и трепете мнозе бых в вас»* (1Кор.2:3), – говорит человек, восхищенный до третьего неба, соделавшийся причастником тайн Божьих, претерпевший столько смертей, сколько по уверованию жил дней, и не желавший пользоваться данной ему от Христа властью, чтобы кто из верующих не соблазнился (1Кор.10). Если он, исполнивший более того, что повелено Богом, и искавший во всем не своей пользы, но пользы подвластных ему, всегда был исполнен такого страха, взирая на величие этой власти, то что будем чувствовать мы, часто ищущие своей пользы, не только не исполняющие более того, что заповедано Христом, но большей частью преступающие Его заповеди? *«Кто изнемогает*, – говорил он, – *и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся»* (2Кор.11:29)? Таков должен быть священник, или лучше, не только таков; это мало и незначительно в сравнении с тем, что я намереваюсь сказать. Что же это? *«Молил бых ся*, – говорит он, – *сам аз, отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти»* (Рим.9:3). Кто может произнести такие слова, чья душа возвысилась до такого желания, тот справедливо может быть осуждаем, когда убегает (священства), а кто так чужд этой добродетели, как я, тот заслуживает порицания не тогда, когда убегает, но когда принимает его. Если бы при избрании в достоинство военачальника имеющие власть дать это достоинство, представив медника или кожевника, или кого-нибудь из подобных ремесленников, поручали ему войско, то я не похвалил бы того несчастного, который не убежал бы и не сделал всего, чтобы не ввергнуть себя в предстоящую гибель. Если бы достаточно было только называться пастырем и исполнять это дело, как случится,

и от этого не было никакой опасности, то всякий желающий пусть обвиняет меня в тщеславии; если же принимающему на себя такую заботу должно иметь великое благоразумие, и еще прежде благоразумия великую благодать Божию, правоту нравов, чистоту жизни и добродетель, более нежели человеческую, то не отказывай мне в прощении, что я не хотел погибать тщетно и напрасно. Если бы кто-нибудь, отправляя большое судно, наполненное гребцами и нагруженное дорогими товарами, вручал мне кормило его и приказывал переплыть Эгейское или Тирренское море[2], то я при первых словах его обратился бы в бегство; и если бы кто спросил, почему? – я отвечал бы: чтобы мне не потопить корабля. Если же тогда, когда ущерб состоит в деньгах, и опасность простирается до смерти телесной, никто не будет осуждать людей за предусмотрительность, то здесь, где потерпевшим кораблекрушение предстоит впасть не в это море, а в бездну огненную, и ожидает их смерть, не душу от тела отделяющая, но душу с телом отправляющая на вечное мучение, почему вы будете гневаться и негодовать, что я легкомысленно не вверг себя в такое бедствие?

[10] 8. Не делайте этого, прошу и умоляю. Я знаю свою душу немощную и слабую; знаю важность этого служения и великую трудность этого дела. Душу священника обуревают волны, большие тех, какие бывают от ветров, возмущающих море.

[11] 9. И во-первых, является тщеславие, как бы скала ужаснейшая и гораздо опаснейшая скалы Сирен, которую вымыслили баснописцы[3]; многие могли проплыть мимо этой скалы безвредно; но для меня это так трудно, что даже и теперь, когда никакая нужда не влечет меня к

этой пропасти, я не могу избавиться от опасности. А если кто вручит мне эту власть, тот как бы свяжет мне назад обе руки и предаст меня чудовищам, живущим в этой скале, чтобы они каждый день терзали меня. Какие же это чудовища? – Гнев, уныние, зависть, вражда, клевета, осуждения, обман, лицемерие, козни, негодование на людей невинных, удовольствие при неблагополучии служащих, печаль при их благосостоянии, желание похвал, пристрастие к почестям (оно более всего вредит душе человеческой), учение с угождением, неблагодарное ласкательство, низкое человекоугодие, презрение бедных, услужливость богатым, предпочтения неразумные и вредные, милости опасные как для приносящих, так и для принимающих их, страх рабский, приличный только презреннейшим невольникам, недостаток дерзновения, степенный вид смиренномудрия, но без истинного смирения, уклончивые обличения и наказания, или лучше сказать, перед незначительными людьми – чрезмерные, а перед сильными – безмолвные. Столько и еще больше чудовищ вмещает в себе эта скала, и те, которые однажды захвачены ими, необходимо доходят до такого рабства, что даже в угодность женщинам делают много такого, о чем и говорить непристойно. Закон Божественный удалил женщин от этого служения, а они стараются вторгнуться в него; но так как сами по себе не имеют власти, то делают все через других, и такую присваивают себе силу, что и избирают, и отвергают священников по своему произволу; пословица: «к верху дном» сбывается здесь на деле. Начальниками управляют подначальные, и пусть бы мужчины, но – те, которым не позволено и *«учити»* (1Тим.2:12). Что говорю «учить»? – которым блаженный Павел запретил и *«глаголати»* в Церкви (1Кор.14:34). Я

слышал от одного человека, будто их допустили до такой дерзости, что они даже делают выговоры предстоятелям церквей и обращаются с ними суровее, нежели господа со своими слугами.

[12] 10. Пусть никто не думает, что обвинения мои относятся ко всем; есть, много есть таких (священников), которые избегли этих сетей, и их гораздо более, чем уловленных. И самое священство я не виню в этих бедствиях; не желаю дойти до такого безумия. Не меч обвиняют за убийство, не вино за пьянство, не силу за оскорбление, не мужество за безрассудную дерзость, но все благоразумные люди обвиняют и наказывают употребляющих во зло дары Божии. Так, само священство справедливо осудит нас, распоряжающихся им неправильно. Не оно причиной изложенных мной зол, а мы сами черним его, сколько можем, без разбора вверяя его таким людям, которые, не узнав наперед собственных душ и не посмотрев на трудность этого дела, охотно принимают предлагаемое, а когда приступят к делу, тогда по неопытности сами пребывают во мраке и на вверенный им народ навлекают множество зол. Это самое едва не случилось и со мной, если бы Бог скоро не избавил меня от этих опасностей, охраняя свою Церковь и щадя мою душу. Отчего, скажи мне, по твоему мнению, происходят такие смятения в церквях? Я думаю, ни от чего иного, как от того, что избрания и назначения предстоятелей совершаются без разбора и как случится. Глава должна быть крепкой, чтобы она могла располагать и приводить в надлежащее состояние вредные испарения, поднимающиеся из прочих частей тела; а когда она сама по себе слаба и не может отклонять болезненных влияний, то и сама делается еще слабее и вместе с собой губит все тело. Чтобы не случилось того же и теперь, Бог

оставил меня в положении ног (церковного тела), в котором я и был с самого начала. Кроме сказанного много есть, Василий, иного другого, что нужно иметь священнику, и чего я не имею; и прежде всего, у него душа должна быть совершенно чистой от стремления к этому делу; если он будет иметь пристрастное расположение к нему, то по получении его загорится сильнейшим пламенем, и если будет взят насильно, то для утверждения его за собой потерпит множество бед, когда нужно будет льстить или допустить что-нибудь неблагородное и недостойное, или тратить много денег. Что некоторые, домогаясь этой власти, даже заполняли церкви убийствами и производили возмущения в городах, об этом я умалчиваю теперь, чтобы кто не подумал, что говорю невероятное. По моему мнению, должно с таким благоговением относиться к этому делу, чтобы убегать от тяжести этой власти, а по получении ее не ожидать суждений от других, когда случится совершить грех, заслуживающий низвержение, но ранее самому отречься от этой власти. Таким образом, еще возможно будет получить помилование от Бога; удерживать же себя в этом достоинстве вопреки благопристойности – значит лишать себя всякого прощения и еще более воспламенять гнев Божий, прилагая к одному другое тягчайшее преступление.

[13] 11. Но никто не осмелится на это; потому что бедственно, поистине бедственно домогаться этой чести. Говорю это, не противореча блаженному Павлу, но совершенно согласно с его словами. Что же он говорит? *«Аще кто епископства хощет, добра дела желает»* (1Тим.3:1). И я назвал бедственным желание не самого дела, а первенства и власти. Это желание, по моему мнению, должно тщательно изгонять из души и даже не

позволять ему в самом начале овладевать ею, чтобы можно было действовать во всем свободно. Кто не желает величаться этой властью, тот не боится и лишиться ее; а не боясь этого, может делать все со свойственной христианам свободой; напротив, опасающиеся и боящиеся низвержения претерпевают жалкое рабство, соединенное с многими бедствиями, и часто принуждены бывают оскорблять и людей, и Бога. Не таково должно быть настроение души; но как на сражениях мы видим доблестных воинов и сражающимися усердно, и падающими мужественно, так и вступающие в это служение – должны и священствовать, и принимать низвержение с этой власти так, как надлежит христианским мужам, знающим, что такое низвержение доставляет не меньший венец, как и самая власть. Кто подвергается ему, не сделав ничего непристойного и противного этому достоинству, тот уготовляет несправедливо низложившим его наказание, а себе большую награду: *«Блажени есте*, – говорит (Господь), – *егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех»* (Мф.5:11–12). Это бывает тогда, когда кто-нибудь низвергается сослужащими или по зависти, или из угождения другим, или по вражде, или по какой-либо другой несправедливой причине; когда же случится кому потерпеть это от врагов, то, я думаю, не нужно и доказывать, какую пользу они доставляют ему своей злобой. Итак, нужно всюду вникать и тщательно наблюдать, не скрывается ли какая-нибудь тлеющая искра такого желания. Счастливы те, которые с самого начала были чисты от этой страсти и могли избегнуть её по достижении власти. Если же кто еще прежде достижения этой чести питает в себе этого страшного и

лютого зверя, то нельзя и выразить, в какую пещь ввергает он себя по достижении власти. У меня также (не подумай, что я из скромности хочу сказать тебе нечто ложное) есть это желание в сильной степени, но оно не менее всего другого и устрашило меня, и обратило в бегство. Как страдающие плотской любовью, пока находятся близ любимых, чувствуют жесточайшее мучение страсти, а когда удалятся как можно дальше от любимых, укрощают ее неистовство, так и стремящиеся к этой власти, когда приближаются к ней, терпят невыносимое мучение, а когда теряют надежду получить ее, то вместе с надеждой погашают и желание.

[14] 12. Не маловажна и одна эта причина; если бы она была единственной, то сама по себе была бы достаточна для того, чтобы отклонить меня от этого достоинства; но теперь к ней присоединилась другая, не меньшая той. Какая же? Священник должен быть бодрствующим и осмотрительным, и иметь множество глаз со всех сторон, как живущий не для себя одного, а для множества людей (1Тим.3:2). А я небрежен и слаб, и едва могу печься о собственном спасении, как ты и сам согласишься, хотя и стараешься, из любви ко мне, более всех скрывать мои слабости. Не говори мне здесь ни о посте, ни о ночном бодрствовании, ни о возлежании на земле, ни о других телесных изнурениях; ты знаешь, как я еще не совершенен и в этом. Если бы даже я со всей строгостью исполнял это, и тогда при моей настоящей слабости это не могло бы принести мне никакой пользы в предстоятельстве. Это может быть весьма полезно человеку, заключившемуся в какой-нибудь кельи и заботящемуся только о своих делах; а кто разделяется на такое множество народа и имеет особенные заботы о каждом из подчиненных, у того какую вероятную пользу

это может принести для их преуспеяния, если он не будет иметь души крепкой и весьма мужественной?

15 13. Не удивляйся, если вместе с этой строгостью жизни я требую еще опытов душевного мужества. Пренебрегать яствами, напитками и мягким ложем для многих, как мы видим, не составляет труда, особенно для людей грубых и воспитанных так с малолетства, и для многих других, у которых сложение тела и привычка смягчают суровость таких подвигов; но переносить оскорбление, клевету, язвительное слово, насмешки от низших, необдуманные и обдуманные, напрасные и тщетные укоризны от начальников и подчиненных могут не многие, а один или два; и можно видеть, что люди крепкие в тех подвигах так возмущаются этими неприятностями, что свирепствуют хуже диких зверей. Таких особенно нужно удалять от обители священства. Если предстоятель не изнуряет себя голодом и не ходит босыми ногами, это нисколько не вредит церковному обществу; а свирепый гнев причиняет великие несчастья, как самому преданному этой страсти, так и ближним. Несоблюдающим первого Бог ничем не угрожает, а гневающимся напрасно – угрожает геенною и огнем геенским (Мф.5:22). Как преданный тщеславию, получив власть над народом, доставляет больше пищи огню (этой страсти), так и тот, кто, живя уединенно и обращаясь с немногими, не мог удерживать гнева, но легко воспламенялся, когда получит в управление целый народ, подобно зверю, уязвляемому отовсюду и всеми, и сам не может быть никогда спокоен, и вверенных ему подвергает бесчисленным бедствиям.

16 14. Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мыслей, как гнев необузданный и выражающийся с великой силой. *«Гнев губит и разумныя»*, – говорит

Премудрый (Притч.15:1). Помраченное им око души, как бы в ночном сражении, не может отличать друзей от неприятелей и честных от бесчестных, но относится ко всем одинаково и, хотя бы предстояло потерпеть какой-нибудь вред, скоро решается на всё, чтобы доставить удовольствие душе; ибо пылкость гнева заключает в себе некоторое удовольствие, и даже сильнее всякого удовольствия овладевает душой, низвращая всё её здравое состояние. Он производит гордость, несправедливые вражды, безрассудную ненависть, часто принуждает без разбора и без причины наносить оскорбления и заставляет говорить и делать много другого подобного, так как душа увлекается сильным напором страсти и не может собраться со своими силами, чтобы противостоять ее стремлению.

17 **Василий** сказал: – Но я не потерплю более, чтобы ты притворялся; кто не знает, как ты далек от этого недуга?

18 **Златоуст.** – Что же, почтеннейший, – сказал я, – ты хочешь поставить меня близ костра, раздражить покоющегося зверя? Или ты не знаешь, что я и сдерживал эту страсть не силой воли, но любовью к спокойствию? А кто так настроен, тот может избежать этого пламени, оставаясь с самим собой или имея общение не более, как с одним или двумя друзьями, но не повергаясь в бездну таких забот? В противном случае он не себя одного, но и других многих увлекает вместе с собой в бездну погибели, и делает их более беспечными в соблюдении скромности. Подчиненный народ большей частью привык смотреть на поведение своих начальников, как на некоторый образец, и подражать им. Как же может укротить надменность других тот, кто сам надмевается. Кто из народа пожелает быть кротким, видя начальника гневливым? Нельзя,

нельзя священникам скрыть свои недостатки; и малые из них скоро делаются известными. Ратоборец, пока остается дома и ни с кем не вступает в борьбу, может скрываться, хотя бы он был слабейшим; но когда выступит на подвиги, тотчас изобличается. Так и люди, ведущие частную и недеятельную жизнь, уединением прикрывают свои грехи; но быв выставлены на вид, бывают принуждены сбросить с себя одиночество, как бы одежду, и обнаружить для всех души свои посредством внешних движений. Как добрые дела их приносят пользу, побуждая многих к соревнованию, так и проступки их делают более нерадивыми о делах добродетели и располагают к уклонению от похвальных трудов. Посему душа священника должна со всех сторон блистать красотой, дабы она могла и радовать, и просвещать души взирающих на него. Грехи людей незначительных, совершаемые как бы во мраке, губят одних только согрешающих; а грехи человека значительного и многим известного наносят всем общий вред, делая падших более нерадивыми о добрых подвигах, а внимательных к себе – располагая к гордости. Кроме того, проступки простолюдинов, хотя бы и обнаружились, никому не наносят значительной беды; а (проступки) стоящих на высоте священнического достоинства, во-первых, у всех на виду; затем, хотя бы они сделали малейшую погрешность, другим она представляется уже великой, потому что все измеряют грех не важностью самого действия, но достоинством погрешающего. Поэтому священник должен со всех сторон оградить себя, как бы каким адамантовым оружием, тщательной бдительностью и постоянным бодрствованием над своей жизнью, всюду наблюдая, чтобы кто-нибудь не нашел открытого и не оберегаемого места и не нанес смертельного удара; ибо

все окружающие готовы уязвлять и поражать его, – не только враги и неприятели, но многие и из тех, которые притворяются друзьями. Итак, (для священства) должны быть избираемы такие души, какими по благодати Божией оказались некогда тела святых отроков в пещи вавилонской (Дан.3:22–46). Здесь не хворост, смола и лен служат пищей огню, но нечто гораздо опаснейшее, так как здесь и огонь не вещественный, но всепожирающий пламень зависти окружает священников, поднимаясь со всех сторон, устремляясь на них и проникая в жизнь их упорнее, чем тогда огонь в тела отроков. Если он найдет хотя бы малые следы соломы, тотчас пристает к ней, и сжегши эту гнилую часть и все прочие части, хотя бы они были светлее солнечных лучей, опаляет и очерняет дымом. Пока жизнь священника хорошо устроена во всех отношениях, дотоле он остается неприступным для наветов; но если он не досмотрит чего-нибудь малого, как свойственно человеку, и притом переплывающему многомятежное море настоящей жизни, то прочие добрые дела его нисколько не помогут ему заградить уста обвинителей; но этот малый проступок затемняет все прочее. Все начинают судить о нем не как о существе, облеченном плотью и имеющем человеческую природу, но как об ангеле непричастном никаким слабостям. Как тирана, пока он владычествует, все боятся и льстят ему, потому что не могут низложить его; но когда заметят, что дела его начинают переменяться, тогда, оставив притворную лесть, недавние друзья вдруг делаются врагами и неприятелями и, узнав все его слабости, стараются лишить его власти; так то же самое бывает и со священником: те, которые недавно, когда он был в силе, почитали его и угождали ему, воспользовавшись незначительным поводом, сильно вооружаются на него, и

стараются низвергнуть его, не как тирана только, но как еще худшего человека. Как тиран боится своих телохранителей, так и священник опасается своих близких и сослужащих более всех; потому что никто столько не домогается его власти и никто лучше всех других не знает дел его, как они; находясь близ него, они прежде других узнают случившееся с ним и легко могут встретить доверие даже клеветам своим и, представляя малое великим, повредить оклеветанному. Тогда оправдывается в обратном смысле апостольское изречение: *«Аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще ли же славится един уд, с ним радуются вси уди»* (1Кор.12:26). Разве только тот, кто стяжал великое благочестие, может выдержать все это. На такую войну ты посылаешь меня? И думаешь, что душа моя способна к столь разнородной и разнообразной борьбе? Как и от кого ты узнал это? Если Бог открыл, покажи Его определение, и я повинуюсь; если же не можешь этого сделать и произносишь приговор по людской молве, то перестань обманываться. Относительно нашего состояния должно верить более нам самим, нежели другим; потому что *«яже в человеце…никто же весть, точию дух человека, живущий в нем»* (1Кор.2:11). Если не прежде, то теперь настоящими словами, я думаю, ты убедился, что я, приняв эту власть, подверг бы осмеянию и себя самого, и избирателей, и с великим вредом возвратился бы в то состояние жизни, в котором нахожусь теперь. Не зависть только, но что гораздо сильнее и зависти, желание этой власти обыкновенно вооружает многих против того, кто имеет ее. Как корыстолюбивые дети тяготятся старостью родителей, так некоторые и из этих людей, видя чье-нибудь священство продлившимся долгое время и умерщвление такого священника считая делом

беззаконным, спешат лишить его власти, желая все поступить на его место и каждый надеясь, что эта власть достанется ему самому.

[19] 15. Хочешь ли, я покажу тебе и другой вид этой борьбы, исполненной тысячи опасностей? Иди и посмотри на народные празднества, где большей частью и положено производить избрание на церковные должности, и ты увидишь, что на священника сыплется так много порицаний, как велико число подчиненных. Все, имеющие право предоставлять эту честь, разделяются тогда на многие части, и в собрании пресвитеров не увидишь согласия их ни между самими собою, ни с епископом, но каждый стоит сам по себе, избирая один одного, другой другого. Причина в том, что не все смотрят на то, на что единственно нужно бы смотреть, на добродетель души; но бывают и другие побуждения к предоставлению этой чести: например, говорят: такой-то должен быть избран, потому что он происходит из знатного рода; другой – потому что владеет великим богатством и не будет иметь нужды содержаться за счет церковных доходов; третий – потому что добровольно перешел к нам от противников наших; и стараются предпочесть другим один своего приятеля, другой – родственника, а иной – даже льстеца; но никто не хочет смотреть на способного и сколько-нибудь узнать душевные качества. Я же так далек от того, чтобы упомянутые причины считать достаточными свидетельствами достоинства священников, что даже и того, кто отличался бы великим благочестием, не мало полезным для этой власти, и его не осмелюсь тотчас избрать, если он не окажется имеющим вместе с благочестием и великое благоразумие. Я знаю многих из проведших всю жизнь свою в затворничестве и изнурявших себя постом, которые, пока пребывали в

уединении и пеклись только о себе, были угодны Богу и каждый день более и более преуспевали в этом любомудрии, а когда явились к народу и должны были исправлять невежество людей, тогда одни из них с самого начала оказались неспособными к такому делу, а другие, хотя по нужде и продолжали служение, но, оставив прежнюю строгость жизни, причинили величайший вред самим себе и не принесли никакой пользы другим. Даже если бы кто оставался всю жизнь свою на низшей степени служения и достиг глубокой старости, и того я не возвел бы на высшую степень по уважению к одному только возрасту его. Что будет, если он и в таком возрасте окажется неспособным? Говорю это теперь, не желая унизить седины или узаконить, чтобы принадлежащие к лику монашествующих вовсе были устраняемы от этого предстоятельства, – ибо случилось, что многие и из числа их прославлялись на этой должности, – но стараюсь доказать, что если ни благочестие само по себе, ни глубокая старость не могут делать владеющего ими достойным священства, то тем менее сделали бы это вышесказанные причины. Некоторые представляют еще другие безрассуднейшие побуждения, так одни избираются в состав клира из опасения, чтобы не предались на сторону противников, другие – за свою злобу, чтобы они, быв обойдены, не сделали много зол. Что может быть беззаконнее этого, когда люди негодные и исполненные множества пороков получают честь за то, за что надлежало бы наказывать их, и за что не следовало бы позволять им переступать порога церковного, за то самое они возводятся в священническое достоинство? Еще ли мы будем искать, скажи мне, причины гнева Божия, позволяя людям порочным и ничего не заслуживающим губить дела столь святые и страшные?

Когда управление делами вверяется или тем, кому они вовсе не свойственны, или тем, силы которых много превышаются ими, тогда Церковь становится нисколько не отличной от Эврипа[4]. Прежде я смеялся над мирскими начальниками за то, что при раздаянии почестей они обращают внимание не на добродетель душевную, а на богатство, преклонность лет и покровительство людей; но уже не стал считать это так странным, когда услышал, что такое неразумие проникло и в наши дела. Удивительно ли, что так погрешают люди мирские, ищущие славы от народа и делающие всё для денег, когда и выдающие себя за отрекшихся от всего поступают нисколько не лучше тех и, препираясь о небесном, как бы совещаясь о десятинах земли или о чем другом подобном, берут ничтожных людей и поставляют их над теми делами, для которых Единородный Сын Божий не отрекся уничижить славу Свою, соделаться человеком, принять образ раба, претерпеть заплевания и заушения, и умереть по плоти поносной смертью (Флп.2:7; Мф.26:67)? И на этом одном они не останавливаются, а прибавляют и другое более безрассудное: не только избирают недостойных, но и отвергают способных. Как будто нужно с обеих сторон разрушать крепость Церкви, или как будто недостаточно одной причины к воспламенению гнева Божия, они прибавляют другую, не менее тяжкую. По моему мнению, равно преступно отдалять людей полезных и допускать бесполезных; и это делается для того, чтобы стадо Христово ни в чем не могло находить утешения и отрады. Не достойно ли это тысячи молний и геенны ужаснейшей, нежели та, какая угрожает нам? Однако переносит и терпит такие злые дела: не хотящий *«смерти грешника, но еже обратитися ...и живу быти ему»* (Иез.33:11). Кто не удивится человеколюбию Его?

Кто не изумится милосердию Его? Христиане губят принадлежащее Христу более врагов и неприятелей, а Он, Благий, еще милосердствует и призывает к покаянию. Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Какая бездна человеколюбия у Тебя! Какое богатство долготерпения! Те, которые именем Твоим из простых и незнатных сделались почтенными и знатными, обращают эту честь против Почтившего их, дерзают на недоступное дерзновенно, оскорбляют святыню, устраняя и отвергая доблестных для того, чтобы при великом оскудении и с крайней свободой порочные низвращали все по своему произволу. Если желаешь узнать причины и этого зла, то найдешь, что они одинаковы с прежними; потому что корень и, так сказать, матерь их одна – зависть; но они имеют не один вид, а различаются между собой. Говорят: этот должен быть отвергнут, потому что молод; другой – потому что не умеет льстить; третий – потому что поссорился с таким-то; четвертый -чтобы такой-то не оскорбился, увидев, что предложенный им отвергнут, а избран этот; пятый – потому что добр и скромен; шестой – потому что слишком страшен для согрешающих; седьмой – по другой подобной причине. Вообще, не затрудняются приводить столько предлогов, сколько захотят; если же не найдут ничего другого, то поставляют на вид и богатство, и то, что не должно возводить в эту честь вдруг, а постепенно и мало-помалу, и другие причины могут найти, какие захотят. Теперь я желал бы спросить: что должно делать епископу в борьбе с такими ветрами? Как ему устоять против таких волн? Как ему отразить все эти нападения? Если он будет руководствоваться в делах здравым рассудком, то и ему, и избранным все становятся врагами и неприятелями, делают всё вопреки ему, каждый день производят раздоры и преследуют

избранных бесчисленными насмешками, пока не низвергнут их или не возведут своих приверженцев. И бывает подобное тому, как если бы внутри плывущего корабля кормчий имел своими спутниками морских разбойников, которые и ему, и гребцам, и плавателям постоянно и ежечасно причиняли бы козни. Если же епископ предпочтет угождение этим людям собственному спасению, приняв тех кого не следовало, то вместо них будет иметь врагом своим – Бога; что может быть ужаснее этого? И положение его в отношении к ним будет труднее, чем прежде, так как все они, содействуя друг другу, через то самое более усиливаются. Как от сильных ветров, встретившихся с противных сторон, дотоле спокойное море вдруг начинает свирепствовать, воздымает волны и губит плавателей, так и церковная тишина, по принятии вредных людей, возмущается и претерпевает много кораблекрушений.

[20] 16. Представь же, каким должен быть тот, кому предстоит выдерживать такую бурю и отвращать такие препятствия общему благу? Он должен быть важным и не гордым, суровым и благосклонным, властным и общительным, беспристрастным и услужливым, смиренным и не раболепным, строгим и кротким, чтобы он мог удобно противостоять всем препятствиям; он должен с полной властью принимать человека способного, хотя бы все тому противились, а неспособного с такою же властью отвергать, хотя бы все действовали в его пользу, иметь в виду только одно благосостояние Церкви и ничего не делать по вражде или из угождения кому-нибудь. Итак, ясно ли для тебя, что я не напрасно отказался от этого служения? Впрочем, я не все еще изъяснил тебе; есть и другое, о чем могу сказать, а ты не потяготись выслушать искреннего друга, желающего

оправдаться перед тобой в том, за что укоряешь его; это не только будет полезно тебе для защиты меня перед другими, но, может быть, принесет немалую пользу для самого распоряжения этим делом. Необходимо, чтобы намеревающийся вступить на этот путь жизни, наперед хорошо разведал все, относящееся к этому служению, и потом приступал к нему. Почему? Если не по чему другому, то по крайней мере потому, что, хорошо зная все, он не будет приходить в смущение от новости предметов, когда они представятся. Желаешь ли, чтобы я начал речь с призрения вдовиц или с попечения о девственницах, или с трудностей судебного дела? Каждое из этих дел сопряжено с различными заботами, и еще больше забот – со страхом. И во-первых, – начнем с того, которое кажется легче других, – призрение вдовиц, по-видимому, представляет пекущимся о них заботу, ограничивающуюся денежными издержками (1Тим.5:16); но бывает не так: требуется тщательное исследование и тогда, когда нужно принимать их, так как включение их в список просто и без разбора причиняло множество бед. Они и расстраивали дома, и расторгали браки, и часто были уличаемы в краже, нетрезвости и других подобных поступках. Содержание таких вдовиц за счет Церкви навлекает и наказание от Бога, и крайнее осуждение от людей, и самих благодетелей делает менее расположенными к благотворительности. Кто решится когда-нибудь на то, чтобы имущество, которое ему заповедано жертвовать для Христа, тратить на тех, которые поносят имя Христово? Поэтому нужно делать тщательное и строгое исследование, чтобы не только такие вдовицы, но и те, которые в состоянии сами себя пропитывать, не истребляли трапезы беднейших. За этим разбором следует другая не малая забота о том, чтобы

жизненные припасы для них притекали обильно, как бы из источников, и никогда не оскудевали. Непроизвольная бедность дурна тем, что бывает ненасытна, взыскательна и неблагодарна. Требуется много благоразумия и много старания, чтобы заграждать им уста, пользующиеся всяким предлогом к осуждению. Народ как скоро увидит кого-нибудь непристрастного к богатству, тотчас объявляет его способным к распоряжению этим делом. Но я думаю, что для него недостаточно одного этого великодушия, но, хотя оно прежде всего необходимо, так как без этого он будет более губителем, нежели покровителем, и волком, а не пастырем; но вместе с тем нужно ему иметь и другое качество. Это – терпение, причина всех благ для людей; оно приводит и вселяет душу как бы в какую тихую пристань. Вдовицы и по своей бедности, и по возрасту, и по свойству своего пола позволяют себе некоторую неумеренную дерзость, так сказать; они кричат безвременно, обвиняют напрасно, жалуются на то, за что надлежало бы благодарить, и порицают за то, за что надлежало бы хвалить. Все это предстоятелю надобно переносить мужественно и не раздражаться ни безвременными требованиями, ни безрассудными укоризнами. Этот пол должно щадить в несчастьи, а не оскорблять; так как быть безжалостным к их несчастьям и прибавлять к скорби от бедности еще скорбь от обиды было бы крайне жестоко. Посему один премудрый муж, видя своекорыстие и надменность человеческой природы и зная свойство бедности, которая способна унизить и доблестнейшую душу и часто располагать к бесстыдному повторению одних и тех же просьб, в наставление, чтобы кто на просьбы бедных не гневался и от раздражения на непрестанную их настойчивость не сделался вместо помощника гонителем,

увещевает его быть снисходительным и доступным для нуждающегося: *«приклони*, – говорит он, – *ухо твое к нищему»* без огорчения, *«отвещай ему мирная в кротости»* (Сир.4:8). Оставив человека раздражительного (ибо что можно сказать больному?), он обращается к тому, кто может перенести слабость бедного, и увещевает прежде подаяния ободрять его кротким взором и ласковым словом. Если кто хотя и не берет себе достояния вдовиц, но осыпает их множеством укоризн и оскорбляет их, и раздражается против них, тот не только не облегчает их уныние от бедности подаянием, а еще увеличивает ее тяжесть своими порицаниями. Хотя по требованию чрева они и бывают принуждены забывать стыд, однако они сетуют на это принуждение. Таким образом, когда нужда от голода заставляет их просить и в просьбах пренебрегать стыд, а за бесстыдство они опять подвергаются огорчениям, то на душу их нападает разнообразная и производящая густой мрак сила уныния. Пекущийся о них должен быть столь великодушным, чтобы не только не увеличивать их уныние укоризнами, но по возможности облегчать их состояние утешением. Как тот, что потерпел обиду, при большом изобилии не чувствует пользы от богатства по причине нанесения обиды, так и тот, кто слышал ласковое слово, и принял поданное с утешением, более веселится и радуется, и самый дар бывает вдвое большим от такого способа даяния. Говорю это не от себя, но со слов того, кто и выше предложил увещание. *«Чадо*, – говорит он, – *во благих не даждь порока, и во всяком даянии печали словес. Не устудит ли зноя роса? Так лучше слово, нежели даяние. Не се ли, слово паче даяния блага? Обоя же у мужа благодатна»* (Сир.18:15–17). Попечитель их должен быть не только кротким и незлобивым, но не менее того и

бережливым; в противном случае, имущество бедных подвергается одинаковому ущербу. Так некто, приняв на себя это служение и собрав много золота, хотя не издержал его на себя, но не раздавал и бедным, кроме малой части, а большую часть зарыв в землю, хранил до тех пор, как наставшее тяжелое время предало это имущество в руки врагов. Посему нужна великая предусмотрительность, чтобы ни умножать до чрезмерности, ни доводить до оскудения церковное имущество, но все собранное немедленно раздавать бедным, из добровольных же приношений народа собирать церковные сокровища. Также для принятия странных и врачевания больных сколько, думаешь ты, требуется денежных издержек, сколько старания и благоразумия попечителей? Здесь нужны расходы нисколько не меньшие упомянутых, а часто и большие, и попечитель должен собирать средства с кротостью и благоразумием, чтобы располагать богатых делать свои пожертвования с охотой и без сожаления, дабы, заботясь о призрении немощных, не огорчить душ жертвователей. Усердия же и ревности здесь нужно оказывать гораздо больше, потому что больные по свойству своему раздражительны и беспечны; и если не прилагать во всем великой попечительности и заботливости, то довольно и малого какого-нибудь опущения, чтобы причинить великое зло больному.

[21] 17. При попечении же о девственницах бывает тем более страха, чем это сокровище драгоценнее и чем этот сонм выше других; потому что и в лик этих святых вторглись многие, исполненные множества зол и произвели здесь большое горе. Как не все равно, свободная ли дева согрешит, или ее служанка, так нельзя (в этом отношении сравнивать) девственницу со вдовицей.

Для вдовиц празднословить, ссориться между собой, льстить, забывать стыд, всюду являться и ходить по площади считается безразличным; а девственница обрекла себя на высший подвиг и посвятила себя высшему любомудрию, обещает вести на земле жизнь ангельскую и стремится с этой плотью уподобиться бесплотным силам. Ей не следует излишне и часто отлучаться из дома, и не позволяется вести пустые и бесполезные разговоры, а злословий и ласкательств она не должна знать и по названию. Посему она имеет нужду в строжайшем охранении и большей помощи. Враг святости непрестанно и наиболее восстает на девственниц и осаждает своими кознями, готовый поглотить ту, которая ослабеет и падет; также (действуют против нее) и многие злонамеренные люди, и вместе со всеми ими неистовство природы человеческой; вообще она должна выдерживать двоякую борьбу с неприятелями, отвне нападающими, и врагом, внутри ее воюющим. Поэтому попечителю ее предстоит много страха, а еще больше опасности и скорби, если случится что-нибудь нежелательное, чего да не будет! Если *«дщерь отцу сокровенно бдение, и попечение о ней отгоняет сон»* (Сир.42:9), если отец так боится, чтобы дочь его не осталась бесплодной или не вышла из цветущего возраста, или не была ненавидима мужем, то что перенесет пекущийся не об этом, но о другом гораздо более важном? Здесь отвращается не муж, но Сам Христос; неплодство подвергается не поношениям только, но оканчивается погибелью души: *«всяко убо древо*, – говорит (Господь), – *не творящее плода добра, посекается, и во огнь вметается»* (Лк.3:9); и ненавидимой Женихом недостаточно взять разводное письмо и отойти, но за гнев Его она наказывается вечным

мучением. Плотской отец имеет много удобств для хранения своей дочери: и мать, и воспитательница, и множество служанок, и безопасность жилища способствуют родителю к сбережению девицы. Он не позволяет ей часто выходить на площадь города; и она, когда выходит, не имеет нужды показываться кому-нибудь из встречающихся; и вечерний мрак не менее стен дома скрывает не желающую показываться. Кроме того, никакие причины не заставляют ее являться когда-нибудь перед взорами мужчин: ни забота о домашних потребностях, ни притеснения обижающих и ничто другое подобное не поставляет ее в необходимость такой встречи, так как обо всем этом печется ее отец. Сама же она имеет только одну заботу о том, чтобы не делать и не говорить ничего непристойного свойственной ей скромности. А здесь отечески пекущемуся многое делает трудным и даже невозможным надзор за девственницей; он не может иметь ее в своем доме, потому что непристойно и не безопасно такое сожительство. Хотя бы от этого и не происходило для них никакого вреда, и хотя бы они постоянно соблюдали святость неприкосновенной, но они дадут ответ за души, которых подвергли соблазну, не меньший, как если бы они согрешили между собой. Так как сожительство невозможно, то нет способа наблюдать за движениями души и беспорядочные обуздывать, а правильные и стройные поощрять и улучшать; также неудобно наблюдать за выходами ее из дома. Бедность и одиночество ее не позволяют попечителю строго следить за свойственной ей благотворительностью. Так как она принуждена во всем служить сама себе, то, если захочет жить своевольно, может найти много предлогов к отлучкам. Кто стал бы заставлять ее всегда оставаться дома, тому нужно бы устранить и эти предлоги, доставить

ей довольство в необходимом и для услуг приставить к ней служанку; следовало бы удерживать ее и от похорон и панихид. Умеет, подлинно умеет тот хитрый змий и через добрые дела посевать яд свой! Девственница должна быть ограждена отовсюду и выходить из дома немного раз в продолжение целого года, когда понуждают неотложные и необходимые причины. Если же кто скажет, что нет надобности поручать эти дела епископу, тот пусть знает, что заботы и причины случающегося с каждой из них имеют отношение к нему. А для него гораздо полезнее заведывать всем самому и избавиться от обвинений, которым он необходимо подвергается за погрешности других, нежели отказаться от этого служения и страшиться ответственности за дела других. Притом делающий это сам собой исполняет все с великим удобством; а принужденный делать это с участием мнения других, не столько имеет отдыха вследствие освобождения от собственной деятельности, сколько хлопот и неприятностей от людей недовольных и противящихся его суждениям. Но я не в состоянии исчислить всех забот о девственницах. Даже когда нужно ввести их в список, и тогда немалые затруднения они причиняют тому, на кого возложена эта обязанность.

[22] Судебная часть (служения епископа также) сопряжена со множеством неприятностей, большими хлопотами и такими трудностями, каких не переносят и мирские судьи; не легко найти правду; трудно и найденную сохранить неизвращенной. Здесь не только хлопоты и трудности, но бывает и опасность немалая. Некоторые из более слабых, подвергшись суду и не нашедши защиты, отпали от веры. Многие из обиженных, ненавидя обидчиков, ненавидят столько же и тех, которые не оказывают им помощи, не хотят принимать во внимание

ни сложности дел, ни трудности обстоятельств, ни ограниченности священнической власти и ничего другого подобного, но являются неумолимыми судьями, принимая в оправдание только одно – освобождение от угнетающих их бед. А кто не может этого сделать, тот, хотя бы представлял тысячи оправданий, никогда не избежит их осуждения. Упомянув о защите, я открою тебе и другой повод к укоризнам. Если епископ не будет ежедневно посещать домов более городских смотрителей, то отсюда происходят невыразимые неудовольствия; ибо не только больные, но и здоровые желают посещений его, – не по побуждению благочестия, но многие скорее домогаясь себе чести и уважения. Если же случится, что какая-нибудь нужда заставит его, для общего блага Церкви, чаще видаться с кем-нибудь из богатейших и сильнейших людей, этим он тотчас навлекает на себя упрек в угодливости и лести. Но что я говорю о защите и посещениях? За один разговор свой он подвергается такому множеству нареканий, что часто, обремененный их тяжестью, падает от уныния: его судят и за взгляд; самые простые действия его многие строго разбирают, примечая и тон голоса, и положение лица, и меру смеха. С таким-то, говорят, он громко смеялся, обращался с веселым лицом и разговаривал возвышенным голосом, а со мной – мало и небрежно. И если в многолюдном собрании он обращает глаза во время разговора не во все стороны, то также считают это обидой для себя. Кто же, не имея великого мужества, может так действовать, чтобы или совершенно не подвергаться суждениям столь многих обвинителей, или подвергшись – оправдаться? Нужно или вовсе не иметь обвинителей, или, если это невозможно, опровергать их обвинения; если же и это неудобно – есть, люди, находящие удовольствие в том,

чтобы обвинять без причины и напрасно, – то нужно мужественно переносить неприятность этих укоризн. Справедливо обвиняемый легко может перенести обвинение; потому что нет обвинителя жесточе совести и оттого, испытав наперед упреки этого жесточайшего обвинителя, мы легко переносим внешние обвинения, как более кроткие. Но если не сознающий за собой ничего худого обвиняется напрасно, то он скоро воспламеняется гневом и легко впадает в уныние, если прежде не научился переносить невежество народа. Нет, невозможно, чтобы оклеветанный напрасно и осуждаемый не возмущался и не чувствовал никакой скорби от такой несправедливости. А что сказать о тех скорбях, которые (пастыри) чувствуют тогда, когда должно отлучить кого-нибудь от церковного общества? И о, если бы это бедствие ограничивалось только скорбью! Но здесь предстоит и не малая беда. Опасно, чтобы наказанный сверх меры не потерпел того, что сказано блаженным Павлом: *«да не како многою скорбию пожерт будет»* (2Кор.2:7). Посему и здесь требуется величайшая внимательность, чтобы то самое, что делается для пользы, не причинило ему большого вреда; ибо за каждый из тех грехов, которые он совершит после такого врачевания, вместе с ним подлежит наказанию и врач, нехорошо лечивший рану. Каких же наказаний должен ожидать тот, который отдаст отчет не только за грехи, совершенные им самим, но подвергнется крайней опасности и за грехи других? Если мы, помышляя об отчете за собственные прегрешения, трепещем, не надеясь избежать вечного огня; то какое мучительное ожидание должно быть у того, кто будет отвечать за столь многих? А что это справедливо, выслушай блаженного Павла, или лучше говорящего в нем Христа:

«Повинуйтеся наставником вашим и покоряйтеся: тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще» (Евр.13:17). Разве мал ужас такой угрозы? Нельзя сказать этого. Впрочем, всего этого достаточно для убеждения самых недоверчивых и суровых людей в том, что я не по гордости и честолюбию, но единственно устрашась за себя и представив трудность дела (пастырского), обратился в бегство.

Слово 4

[1] Возражение Василия, что все сказанное его другом относится к тем, которые сами добиваются священства, а не к тому, кого против воли привлекают к нему. – Опровержение этого возражения. – Примеры Саула, Илии, Аарона и Моисея. – Иуда был призван к апостольству. – Рукополагающие недостойных подлежат одинаковому с ними наказанию. – Необходимо рукополагать с крайней осторожностью. – О церковном служении. – Дар слова, как необходимая принадлежность священника. – Без дара слова не достаточно ни доброго примера, ни даже дара чудотворения. – Слово как единственное оружие, которым можно отражать врагов Церкви. – Сравнение Церкви с сильной крепостью. – Главные враги, с которыми приходится Церкви иметь дело: иудеи, язычники, манихеи, валентиниане, маркиониты, савеллиане, ариане. – Враги домашние, возбуждатели праздных и неразрешимых вопросов. – Возражения Василия: не презирал ли красноречия апостол Павел? – Нет, он осуждал только легкомысленное искусство риторов своего времени. – Если какой служитель Иисуса Христа мог бы обойтись

без дара слова, то именно апостол Павел, обладавший даром чудотворения и несравненной любовью к Господу Иисусу. – Красноречие апостола Павла – простое и сильное, единственно основанное на знании и восторженности. – Похвальный отзыв о его посланиях. – Необходимость для епископа обладать ученостью, чтобы наставлять других. – Он должен быть способен защищать догматы веры.

[2] 1. Василий, выслушав это и немного помедлив, сказал: – Если бы ты сам старался приобрести эту власть, то страх твой был бы основателен. Кто своим домогательством получить ее признал себя способным к исполнению этого дела, тому, по получении ее, нельзя прибегать к неопытности для оправдания своих погрешностей. Он заранее сам лишил себя этого оправдания тем, что стремился и похитил это служение и, как добровольно и по собственному желанию приступивший к нему, уже не может сказать: я невольно погрешил в том-то и невольно погубил такого-то. Тот, кто тогда будет судить его за это, скажет ему: «Почему же ты, сознавая в себе такую неопытность и не имея достаточно ума для безошибочного исполнения этой обязанности, стремился и осмелился принять на себя дела, превышающие твои силы? Кто принуждал? Кто насильно влек тебя, если ты уклонялся и убегал»? Но ты никогда не услышишь ничего такого; ты и сам не можешь упрекать себя в чем-либо подобном; и всем известно, что ты нисколько не домогался этой чести, но всё сделано другими; и то, что

лишает других прощения за погрешности, тебе доставляет важное основание к оправданию.

3 **Златоуст.** После этого я, покачав головой и немного улыбнувшись, подивился его простодушию и сказал ему: – Я и сам желал бы, чтобы дело было так, как ты сказал, добрейший из всех, не для того, впрочем, чтобы я мог принять то, отчего убежал. Хотя бы мне не предстояло никакого наказания за мое небрежное и неопытное попечение о стаде Христовом, но если бы мне вверены были такие великие дела, для меня тяжелее всякого наказания было бы то, что я оказался столь недостойным перед лицом вверившего их мне. Для чего же я стал бы желать, чтобы мнение твое не было тщетным? Для того разве, чтобы этим жалким и несчастным (так должно назвать тех, которые не умели хорошо управлять этим делом, хотя бы ты тысячекратно говорил, что они были привлечены насильно и грешили по неведению) можно было избежать огня неугасимого, тьмы кромешной, червя неумирающего рассечения и погибели вместе с лицемерами. Что же сказать тебе? Нет, это не так. И если хочешь, я представлю тебе доказательства верности слов моих, начав с царствования, за которое ответственность перед Богом не такова, какова за священство. Саул, сын Кисов, не по собственному домогательству сделался царем; он пошел искать ослиц и пришел спросить о них пророка, а тот стал говорить ему о царстве; и хотя он слышал об этом от пророка, но не стремился, а отказывался и отрицался, сказав: *«Кто аз есть и какой дом отца моего»* (1Цар.9:20–21)? И что же? Так как он злоупотреблял данной ему от Бога честью, то мог ли он этими словами своими избавиться от гнева Воцарившего его? Между тем он мог бы сказать обвинявшему его Самуилу: разве я сам стремился к царствованию? Разве я

искал этой власти? Я желал вести жизнь частных людей, безмятежную и спокойную, а ты привлек меня к этому достоинству: оставаясь в уничиженном состоянии, я легко мог бы уклониться от преткновений; находясь в числе простых и незнатных людей, я не был бы послан на такое дело, и Бог не поручил бы мне войны с амаликитянами; а без этого поручения я не совершил бы такого греха. Но все это слабо для оправдания и не только слабо, но и опасно и еще более воспламеняет гнев Божий. Кто почтен выше своего достоинства, тот не должен представлять в оправдание своих погрешностей величие этой чести, но великое о нем попечение Божие должен обращать в побуждение к большему преуспеянию в добре. Получивший высокое достоинство, и поэтому считающий дозволительным для себя грешить, делает не что иное, как старается представить человеколюбие Божие причиной грехов своих, что говорить всегда свойственно людям нечестивым и беспечно ведущим жизнь свою. Мы же не должны так думать и впадать в одинаковое с ними безумие, но во всем стараться по силам своим исполнять зависящее от нас самих и иметь и язык, и ум благоговейный. И Илий (от царствования мы перейдем теперь к священству, о котором идет у нас речь) также не старался приобрести эту власть. А какую пользу он получил от этого, что согрешил? Но что я говорю: не старался? Он даже не мог, хотя бы и желал, избежать ее по требованию закона, потому что он происходит из колена Левиина и должен был принять эту власть, нисходящую по родовому преемству. Однако и он потерпел немалое наказание за своеволие детей своих (1Цар.4). Так и бывший первым священником иудейским, о котором так много говорил Бог Моисею, за то, что не мог один противостоять безумию такого множества

народа, не был ли почти у самой погибели, если бы предстательство брата не удержало гнева Божия (Исх.32)? Так как я упомянул о Моисее, то благовременно подтвердить истину моих слов и случившимися с ним событиями. Сам блаженный Моисей так далек был от того, чтобы домогаться начальства над иудеями, что даже отказывался от предлагаемого, не соглашался на повеление Божие и разгневал Повелевавшего (Исх.4:13–14). И не только тогда, но и после, уже по принятии власти, он охотно желал умереть, чтобы освободиться от нее: *«убий мя*, – говорил он, – *аще же тако ...твориши мне»* (Числ.11:15). И что же? Так как он согрешил при изведении воды (Числ.20:12), то непрестанные его отказы могли ли защитить его и склонить Бога к дарованию ему прощения? Не за другое ли что-нибудь он был лишен обетованной земли? Не за другое что, как известно всем нам, а именно за этот грех такой дивный муж не мог достигнуть того, чего достигли подвластные ему, но после многих подвигов и изнурений, после такого необычайного странствования, после сражений и побед, умер вне той земли, для которой подъял столько трудов и, претерпев бедствия мореплавания, не насладился благами пристани. Видишь, что не только похищающие (священство), но и те, которые получают его по старанию других, не могут ничем оправдываться в своих проступках. Если те, которые многократно отказывались, когда Сам Бог избирал их, подверглись такому наказанию, и ничто не могло избавить от этой опасности ни Аарона, ни Илия, ни того блаженного мужа, святого, пророка, дивного, *«кроткого ...паче всех человек, сущих на земли»* (Числ.12:3), который беседовал с Богом как друг (Исх.33:11), то нам, которые столь далеки от его совершенства, едва ли

послужит к достаточному оправданию наше сознание, что мы нисколько не искали себе этой власти, особенно когда многие из этих избраний бывают не по Божественной благодати, но по старанию людей. Бог избрал Иуду, и включил его в святой лик учеников Христовых и даровал ему вместе с прочими апостольское достоинство и даже предоставил ему нечто большее перед другими – распоряжение деньгами. И что же? Когда он и тем, и другим злоупотребил, – Того, Кого должен был проповедовать, предал, и из того, чем поручено ему распоряжаться ко благу, сделал худое употребление, то избежал ли наказания? Этим самым он еще увеличил для себя наказание, и весьма справедливо, потому что даруемые Богом преимущества должно употреблять не на оскорбление Бога, но на большее Ему угождение. Тот, кто думает избежать заслуженного им наказания за то, что получил большие перед другими почести, поступает подобно тому, как если бы кто из неверующих иудеев, услышав слова Христовы: *«Аще не бых пришел и глаголам им, греха не быша имели»*; (Ин.15:22) также: *«аще дел не бых сотворил в них, ихже ин никтоже сотвори, греха не быша имели»* (Ин.15:24), стал обвинять Спасителя и Благодетеля, и говорить: для чего же Ты пришел и глаголал? Для чего творил знамения? Для того ли, чтобы больше наказать нас? Но это – слова неистовства и крайнего безумия. Врач пришел не для того, чтобы судить тебя, но для того, чтобы врачевать, не для того, чтобы презреть тебя болящего, но чтобы совершенно освободить тебя от болезни, а ты добровольно уклонился от рук его; за это прими жесточайшее наказание. Если бы ты принял врачевание, то очистился бы от прежних болезней, а так как ты, видя пришедшего врача, убежал от него, то уже не можешь очиститься от них; если же не можешь, то

будешь наказан за них и вместе за то, что попечение его о тебе сделал тщетным, сколько это от тебя зависело. Поэтому мы не одинаковому подвергаемся истязанию до принятия или после принятия почестей от Бога, но в последнем случае гораздо строжайшему. Кого не исправляют благодеяния, тот достоин большего наказания. Итак, если это оправдание слабо, как доказано нами, и если оно не только не спасает прибегающих к нему, но еще большей подвергает опасности, то нам надобно искать другой защиты.

4 **Василий** сказал: – Какой же? Я теперь даже сам себя не чувствую: в такой страх и ужас ты привел меня этими словами.

5 **Златоуст.** – Нет, – сказал я, – прошу и умоляю, не предавайся такому страху. Есть, есть защита: для нас немощных – никогда не вступать (в эту должность), а для вас крепких – по получении благодати Божией полагать надежды спасения не в другом чем, а в том, чтобы не делать ничего недостойного этого дара и Бога, его давшего. Величайшее наказание заслужат те, которые, достигнув этой власти собственными усилиями, будут худо исполнять это служение, или по нерадению, или по нечестию, или по неопытности. Но за это не будет прощения и тем, которые не домогались власти; и они не имеют никакого оправдания. По моему мнению, хотя бы тысячи людей призывали и принуждали, должно не на них смотреть, но наперед испытывать свою душу и исследовать все тщательно, и потом уступать принуждающим. Если построить дом не обещается никто из незнающих строительного искусства, и к лечению больных телом не приступит никто из незнающих врачебного искусства, и хотя бы многие насильно влекли

их, они откажутся и не будут стыдиться своего незнания, то неужели тот, кому имеет быть вверено попечение о столь многих душах, не испытает наперед самого себя, но, хотя бы он был неопытнейшим из всех, примет это служение потому, что такой-то приказывает, такой-то принуждает и чтобы не огорчить такого-то? Не ввергает ли он себя вместе с ними в явную беду? Тогда как ему можно было спасать самого себя, он губит с собой и других. Откуда же можно ожидать спасения? Откуда получить прощение? Кто будет защищать нас тогда (на будущем Суде)? Может быть те, которые теперь принуждают и влекут силой? Но кто спасет их самих в то время? Они сами будут нуждаться в других, чтобы избежать огня. А что я теперь говорю это не с тем, чтобы устрашить тебя, но чтобы показать истинное положение дела, послушай, что говорит блаженный Павел ученику своему Тимофею, истинному и возлюбленному сыну: *«Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужим грехом»* (1Тим.5:22). Видишь ли, от какого не только осуждения, но и наказания я со своей стороны избавил тех, которые намеревались возвести меня в это достоинство?

[6] 2. Как для избранных не довольно сказать в свое оправдание: я не сам вызвался, я не предвидел и потому не уклонился; так и избирающим нисколько не может помочь то, если они скажут, что не знали избранного: но поэтому самому вина и становится большей, что они приняли того, кого не знали, и кажущееся оправдание служит к увеличению осуждения. Если желающие купить невольника показывают его врачам и требуют поручителя за продаваемого, и расспрашивают соседей и после всего этого не решаются купить, но требуют еще долгого времени для испытания, то не безрассудно ли, что

намеревающиеся назначить кого-нибудь на такое служение свидетельствуют и присуждают просто и как случится, как покажется кому-нибудь, в угождение, или по вражде к другим, не делая никакого другого испытания? Кто будет защищать нас тогда, когда и те, которые должны бы защищать, сами будут нуждаться в защитниках? Итак, и намеревающийся избрать должен делать большое испытание, а еще гораздо больше – избираемый. Хотя избиратели вместе с ним подвергаются наказанию за его погрешности, однако и он, не освобождаясь от наказания, даже подвергается еще большему, если только избиратели по какому-либо человеческому побуждению не поступили вопреки требованию справедливости. Если же они будут обличены в том, что по какому-нибудь предлогу заведомо приняли недостойного, то они подвергнутся равному с ним наказанию, избравшие неспособного – может быть и большему. Кто вручит власть человеку вредному для Церкви, тот будет виновен в дерзких его поступках. Если же он ни в чем таком не будет виновен, но скажет, что он обманут мнением народа, и тогда он не останется без наказания, а только будет наказан немного менее избранного. Почему? Потому, что избиратели действительно могут сделать это, обманувшись ложным мнением; а избранный никак не может сказать, что не знал самого себя, как не знали его другие. Посему, чем он тяжелее принявших его имеет быть наказан, тем строже их должен испытывать самого себя; и если бы они по неведению стали привлекать его, он должен прийти и точно объяснить причины, которыми остановил бы обманутых и, объявив себя недостойным испытания, избежал тяжести столь великих дел. Почему тогда, когда идет совещание о деле воинском, о торговле, о

земледелии и других житейских занятиях, ни земледелец не решится плыть по морю, ни воин обрабатывать землю, ни кормчий сделаться воином, хотя бы кто угрожал им тысячею смертей? Очевидно потому, что каждый из них предвидит опасность от своей неопытности. Если же там, где ущерб маловажен, мы действуем с такой осмотрительностью и противимся требованию принуждающих, то здесь, где за предоставление священства несведущим предстоит вечное мучение, как мы без рассуждения и без разбора будем подвергать себя такой опасности, ссылаясь на насилие других? Но имеющий судить нас тогда не примет такого оправдания. Следовало бы соблюдать осторожность в делах духовных гораздо более, чем плотских; а теперь мы оказываемся не соблюдающими и одинаковой осторожности. Скажи мне: если бы мы, считая какого-нибудь человека знающим строительное искусство, тогда как он в самом деле не знает его, пригласили бы на эту работу, и он согласился бы и потом, взяв приготовленный для строения материал, растратил бы и дерево, и камни, и построил такой дом, который тотчас разрушился бы, неужели достаточно было бы к оправданию его то, что он не сам вызвался строить, а другие принудили его? Нет; и весьма основательно и справедливо. Ему следовало отказаться, когда и другие приглашали его. Если же растратившему дерево и камни не будет никакой возможности избежать наказания, то погубляющий души и назидающий их беспечно как может думать, что принуждение от других поможет ему избегнуть наказания? Не крайне ли это безрассудно? Я еще не прибавляю того, что никто не может принудить кого-нибудь против воли. Но положим, что кто-нибудь подвергся тысяче насилий и многоразличным хитростям, так что принужден будет уступить, и это избавит ли его от

наказания? Нет. Увещеваю, не будем столько обольщать себя, и притворяться незнающими того, что ясно и для малолетних детей, тем более что при отчете в делах такое притворное незнание не может принести нам пользы. Ты сам не домогался приобрести эту власть, сознавая свою немощь? Хорошо и честно. С таким же сознанием следовало отказаться и тогда, когда другие приглашали. Или тогда, когда никто не приглашал, ты был немощен и неспособен; а как скоро нашлись люди, вознамерившиеся предоставить тебе эту честь, ты вдруг сделался сильным? Это смешно и лживо, и достойно крайнего наказания. Посему и Господь увещевает желающего построить башню не полагать основания прежде, нежели он сообразит свою состоятельность, чтобы не подать присутствующим тысячи поводов к осмеянию его (Лк.14:28–29). Но для него беда ограничивается смехом, а здесь наказанием будет огонь неугасимый, червь неумирающий, скрежет зубов, тьма кромешная, рассечение и погибель вместе с лицемерами (Мф.25:30). Обвинители же мои не хотят знать ничего этого; иначе они перестали бы укорять того, кто не хочет погибнуть напрасно. Настоящее наше рассуждение касается не распоряжения пшеницей или житом, волами и овцами, или чем-либо другим подобным, но самого Тела Христова. Ибо Церковь Христова, по словам блаженного Павла, есть Тело Христово (Кол.1:18); и тот, кому оно вверено, должен содержать его в великом благосостоянии и превосходной красоте, всюду наблюдать, чтобы какая-нибудь *«скверна или порок, или нечто от таковых»* пятен не повредили ее доброты и благолепия (Еф.5:27). Не должен ли он представлять это тело достойным нетленной и блаженной его Главы по мере сил человеческих? Если заботящиеся о благосостоянии ратоборцев имеют нужду и во врачах, и

руководителях, и строгом образе жизни, и непрестанном упражнении и множестве других предосторожностей (ибо и какая-нибудь малость, оставленная у них без внимания, разрушает и ниспровергает все); то принявшие на себя попечение об этом теле, ведущем борьбу не с телами, но с невидимыми силами, как могут сохранить его невредимым, и здравым, если не будут иметь добродетель, гораздо более человеческой и знать всякое врачевство, полезное для души?

[7] 3. Или ты не знаешь, что это тело (Церкви) подвержено большим болезням и напастям, нежели плоть наша; скорее ее повреждается и медленнее выздоравливает? Врачами телесными изобретены разные лекарства и разнообразные орудия, и роды пищи, приспособленные к больным; часто одно свойство воздуха было достаточно для выздоровления больных; даже иногда благовременный сон освобождал врача от всякого труда. А здесь ничего такого придумать нельзя; но после примера дел предоставлен один вид и способ врачевания – учение *«словом»*. Вот орудие, вот пища, вот превосходное растворение воздуха! Это вместо лекарства, это вместо огня, это вместо железа; нужно ли прижечь или отсечь, необходимо употребить слово; если оно нисколько не подействует, то все прочее напрасно. Им мы восставляем падшую и укрощаем волнующуюся душу, отсекаем излишнее, восполняем недостающее и совершаем все прочее, что служит у нас к здравию души. Наилучшему устроению жизни может содействовать жизнь другого, располагая к соревнованию; но когда душа страждет болезнью, состоящей в *«неправых догматах»*, тогда весьма полезно слово, не только для ограждения своих, но и для борьбы с посторонними. Если бы кто имел меч духовный и щит веры такой, что мог бы

совершать чудеса и посредством чудес заграждать уста бесстыдным, тот не имел бы нужды в помощи слова; или лучше, оно по свойству своему и тогда было бы не бесполезно, но даже весьма необходимо. Так и блаженный Павел действовал словом, хотя повсюду славился знамениями. И другой из лика апостольского увещевает заботиться о силе слова: *«Готови* будьте, – говорит он, – *ко ответу всякому вопрошающему вы словесе о вашем уповании»* (1Пет.3:15). И все они тогда не по другой какой-либо причине предоставили Стефану и его сотрудникам попечение о вдовицах, но для того, чтобы сами беспрепятственно могли заниматься *«служением слова»* (Деян.6:4). Если бы мы имели силу знамений, то не стали бы так много заботиться о слове; но если не осталось и следа той силы, а между тем со всех сторон и непрестанно наступают неприятели, то уже необходимо нам ограждаться словом, чтобы нам не поражаться стрелами врагов, и чтобы лучше нам поражать их.

[8] 4. Посему должно тщательно стараться, да *«слово Христово вселяется в* нас *богатно»* (Кол.3:16). Мы готовимся не к одному роду борьбы; но эта война разнообразна и производится различными врагами. Не все они действуют одним и тем же оружием и стараются нападать на нас не одинаковым образом. Поэтому кто намеревается вести войну со всеми, тот должен знать способы действия всех их, быть и стрельцом, и пращником, предводителем полка и начальником отряда, воином и военачальником, пешим и всадником, сражающимся на море и под стенами. В военных сражениях, какое кому назначено дело, так он и отражает наступающих врагов, а здесь этого нет; если намеревающийся побеждать не будет сведущ во всех

частях этого искусства, то дьявол и через одну какую-нибудь часть, если она останется в пренебрежении, сумеет провести своих грабителей и расхитить овец; но он не будет (так смел), когда увидит пастыря выступающего с полным знанием и хорошо сведущего во всех его кознях. Итак, нужно хорошо ограждаться во всех частях. Пока город огражден со всех сторон, до тех пор, находясь в совершенной безопасности, он смеётся над осаждающими его; но если кто разрушит стену его, хотя только в меру ворот, то для него уже нет пользы от окружности стены, хотя бы прочие части её оставались твердыми. Так и город Божий, когда его отовсюду ограждает вместо стены прозорливость и благоразумие пастыря, все покушения врагов обращает к их стыду и посмеянию, а живущие внутри города остаются невредимыми; если же кто успеет разрушить какую-нибудь часть его, хотя всего и не разрушит, то от этой части, так сказать, зарождается и все прочее. Что пользы, если он хорошо борется с язычниками, а его опустошают иудеи? Или он преодолевает тех и других, а его расхищают манихеи? Или после победы над этими – распространяющие учение о судьбе станут убивать овец, находящихся внутри его? Но для чего исчислять все дьявольские ереси? Если пастырь не умеет хорошо отражать все эти ереси, то волк может и посредством одной пожрать множество овец. В воинском деле от противостоящих и сражающихся воинов всегда должно ожидать и победы, и поражения; а здесь совершенно иначе. Часто битва с одними доставляет победу таким врагам, которые вначале не ополчались и нисколько не трудились, а оставались спокойно сидящими; и не имеющий в этих делах большой опытности, поразив себя собственным мечом, делается смешным и для друзей, и для врагов. Например (я

постараюсь объяснить тебе сказанное примером), последователи лжеучения Валентина и Маркиона, и одержимые одинаковыми с ними болезнями, исключают из числа книг Божественного Писания Закон, данный Богом Моисею; иудеи же так почитают его, что и теперь, когда уже время не позволяет, стараются вполне соблюдать его вопреки воле Божьей. А Церковь Божия, избегая крайностей тех и других, идет средним путем, – и не соглашается подчиняться игу Закона, и не допускает хулить его, но хвалит его и по прекращении его за то, что он был полезен в свое время. Поэтому тот, кто намеревается бороться с теми и другими, должен соблюдать это равновесие. Если он, желая научить иудеев, что они не благовременно держатся древнего законодательства, начнет без пощады порицать его, то подаст немалый повод желающим из еретиков хулить его; а если, стараясь заградить уста этим еретикам, станет неумеренно превозносить Закон и выхвалять его, как необходимый в настоящее время, то откроет уста иудеям. Также, одержимые неистовством Савеллия и беснованием Ария, те и другие по неумеренности отпали от здравой веры; и хотя те и другие удерживают имя христиан, но если кто исследует учение их, тот найдет, что одни нисколько не лучше иудеев и разве только различаются названиями, а учение других имеет большое сходство с ересью Павла Самосатского, но что и те и другие далеки от истины[5]. Здесь предстоит большая опасность, узкий и тесный путь, окруженный с обеих сторон утесами, и немалый страх, чтобы кто-нибудь, намереваясь поразить одного, не был ранен другим. Так, если кто скажет, что Божество едино, то Савеллий тотчас обратит это слово в пользу своего безумного учения; если же покажет различие, называя одного Отцом, другого Сыном,

третьего Духом Святым, то выступит Арий и станет относить разность лиц к различию в существе. Между тем должно отвращаться и убегать как нечестивого смешения Савеллиева, так и безумного разделения Ариева, и исповедовать единое Божество Отца и Сына и Святого Духа, но притом в трех Лицах; таким образом мы можем заградить вход тому и другому. Можно бы привести тебе и многие другие затруднения, с которыми если кто не будет бороться мужественно и тщательно, тот сам останется со множеством ран.

[9] 5. А что сказать о распрях своих ближних? Они не меньше внешних нападений, но еще более представляют труда для наставника. Одни из любопытства тщетно и напрасно хотят исследовать такие предметы, которые и знать было бы бесполезно, и познать невозможно; другие требуют от Бога отчета в судьбах Его, и усиливаются измерить эту великую бездну; ибо «*судьбы Твоя*, – говорится в Писании, – *бездна многа*» (Пс.35:7). Пекущихся о вере и жизни найдется немного; а гораздо более таких, которые исследуют и изыскивают то, чего найти невозможно, и изыскание чего оскорбляет Бога. Когда мы усиливаемся познать то, чего Бог не хотел открыть нам, то мы и не узнаем этого (ибо как можно узнать, если это не угодно Богу?) и за любопытство свое только подвергнемся опасности. Между тем, и при таком положении дела, кто со властью станет заграждать уста исследующим недоступные предметы, тот навлечет на себя упрек в гордости и невежестве. Поэтому и здесь предстоятелю нужно действовать с великим благоразумием, чтобы и отклонять других от нелепых вопросов, и самому избегнуть сказанных обвинений. Для всего этого не дано ничего другого, кроме одной только помощи слова, и если кто не имеет этой силы, то души

подчиненных ему людей постоянно будут находиться в состоянии нисколько не лучше обуреваемых кораблей; я говорю о людях слабейших и любопытнейших. Посему священник должен употреблять все меры, чтобы приобрести эту силу.

10 **Василий** сказал: – Почему же Павел не старался приобрести эту силу, и даже не стыдится скудости своего слова, но прямо признает себя «*невеждою*», и притом в Послании к коринфянам, которые славились красноречием и весьма хвалились им (2Кор.11:6)?

11 6. **Златоуст**. – От этого самого, – сказал я, – многие и погибли, и сделались менее ревностными к истинному учению. Так как они не могли в точности постигнуть глубину мыслей апостола и уразуметь смысл слов его, то и проводили все время в дремоте и сонливости, хваля невежество, не то, которое приписывал себе Павел, но от которого он так был далек, как ни один человек, живущий под небом. Впрочем, оставим этот предмет до другого времени, а теперь я скажу следующее: положим, что Павел был невеждой в том смысле, какого они желают; как это относится к нынешним людям? Он имел силу, гораздо высшую слова и способную совершать гораздо большие действия; при одном появлении своем и при молчании он был страшен для демонов; а нынешние все, собравшись вместе, с бесчисленными молитвами и слезами своими не могли бы сделать того, что некогда могли совершать полотенца Павловы (Деян.19:12). Павел молитвой воскрешал мертвых и совершал другие чудеса такие, что язычники принимали его за бога (Деян.14:11); и еще прежде переселения из здешней жизни он удостоился быть восхищенным до третьего неба и слышать такие слова, которых не может слышать

человеческая природа (2Кор.12:2–4). А нынешние люди (впрочем, я не намерен говорить ничего неприятного и тяжелого, и это теперь говорю, не укоряя их, но изумляясь) как не страшатся сравнивать себя с таким мужем? Если мы, оставив чудеса, перейдем к жизни этого блаженного и посмотрим на ангельскую его деятельность, то увидим и в ней еще более, чем в знамениях, превосходство этого ратоборца Христова. Кто может изобразить его ревность, кротость, постоянные опасности, непрерывные заботы, непрестанные беспокойства о церквях, сострадание к немощным, многие скорби, многократные гонения, каждодневные смерти (1Кор.9:22)? Какое место во вселенной, какая земля, какое море не знают подвигов этого праведника? Его знала и пустыня, часто принимавшая его во время его опасностей. Он претерпел все роды козней и одержал всякого рода победы; никогда не переставал и подвизаться и получать венцы. Впрочем, я не знаю, как я увлекся до того, что стал оскорблять этого мужа; доблести его превышают всякое слово, а мое – столько, сколько превышают меня искуснейшие в красноречии. Но, несмотря на это (блаженный будет судить меня не за выполнение дела, а за намерение), я не перестану, пока не скажу того, что выше сказанного столько, сколько он выше всех людей. Что же это такое? После таких подвигов, после бесчисленных венцов он желал низойти в геенну и быть преданным вечному мучению для того, чтобы иудеи, которые часто бросали в него камни и готовы были убить его, спаслись и обратились ко Христу (Рим.9:3). Кто так любил Христа, если можно назвать это любовью, а не чем либо другим высшим любви? Еще ли мы будем сравнивать себя с ним, после такой благодати, какую он получил свыше, и после таких добродетелей,

какие он оказал со своей стороны? Может ли быть что-нибудь дерзновеннее этого? А что при всем том он не был невеждой, как те называют его, теперь и то постараюсь доказать. Они называют невеждой не только того, кто не упражнялся в искусстве светского красноречия, но и того, кто не умеет защищать истинного учения; и справедливо так рассуждают. Но Павел назвал себя невеждой не в том и другом, а только в одном; и в подтверждение этого он сделал точное разграничение, сказав, что он *«невежда словом, но не разумом»* (2Кор.11:6). Если бы я требовал (от пастыря Церкви) изящества речи Исократа, силы Демосфена, важности Фукидида и высоты Платона, то следовало бы указать на это свидетельство Павла[6]; но теперь я оставляю всё это и изысканные внешние украшения, и не думаю ни о выражениях, ни о произношении речи. Пусть кто-нибудь будет скуден в словах и состав речи его прост и не искусен, только пусть он не будет невеждой в познании и верном разумении догматов, и, для прикрытия своего нерадения, не отнимает у этого блаженного мужа величайшего из его достоинств и главной из его заслуг.

[12] 7. Как он, скажи мне, приводил в замешательство иудеев, живущих в Дамаске, когда еще и не начинал совершать знамений? Как преодолел эллинистов? Почему был препровожден в Тарс? Не потому ли, что сильно побеждал словом и до того довел их, что они, не вытерпев поражения, раздражились и решились убить его (Деян.9:23)? Тогда он еще не начинал творить чудес; и никто не может сказать, что народ удивлялся ему по молве о его чудотворениях и что боровшиеся с ним уступали по причине такого мнения об этом муже; доселе он побеждал только словом своим. А как он боролся и состязался с теми, которые в Антиохии намеревались

жить по-иудейски (Гал.2:11)? И член ареопага, житель суевернейшего города, не от одной ли проповеди его сделался его последователем вместе с женой (Деян.17:34)? И от чего Евтих упал с окна? Не от того ли, что до глубокой ночи занят был слушанием поучения Павлова (Деян.20:9)? А что в Солуне и в Коринфе? Что в Эфесе и в самом Риме? Не целые ли дни и ночи сряду он проводил в изъяснении Писаний? Что сказать о состязаниях с эпикурейцами и стоиками (Деян.17:18)? Если бы мы захотели исчислять всё, то речь наша была бы слишком обширна. Итак, если оказывается, что и прежде знамений, и при них Павел часто действовал словом, то как еще осмелятся называть невеждой того, кому за беседу и проповедь в особенности все удивлялись? Почему ликаонцы приняли его за Меркурия? Что их (Павла и Варнаву) приняли за богов, причиной тому были чудеса; а что Павла приняли за Меркурия, причиной тому уже не чудеса, а слово (Деян.14:12). Чем этот блаженный превзошел прочих апостолов? Почему по всей вселенной имя его наиболее обращается в устах всех? Почему он прославляется более всех не только у нас, но и у иудеев и язычников? Не за достоинство ли своих посланий, которыми он принес пользу не только тогдашним верным, но и жившим с того времени до ныне, будет приносить пользу имеющим существовать до последнего пришествия Христова и не перестанет делать это, пока продолжится род человеческий? Его писания ограждают церкви во всей вселенной подобно стене, построенной из адаманта. Он и ныне стоит посреди, как мужественнейший ратоборец, *«пленяюще всяк разум в послушание Христово, и низлагающе помышления и всяко возношение, взимающееся на разум Божий»* (2Кор.10:4–5). Все это он производит оставленными нам

посланиями своими, удивительными и исполненными божественной мудрости. Его писания полезны нам не только для ниспровержения ложных учений и защиты истинного, но весьма немало служат и к преуспеянию в благочестивой жизни. Предстоятели Церкви, пользуясь ими, еще и ныне устрояют, совершенствуют и доводят до духовной красоты чистую деву, которую он обручил Христу (2Кор.11:2). Ими они отражают приключающиеся ей болезни и охраняют присущее ей здравие. Такие врачества оставил нам этот *«невежда»*, имеющие такую силу, которую хорошо знают часто пользующиеся ими на самом деле. Отсюда видно, что Павел оказал великую ревность в этом деле.

[13] 8. Послушай еще, что он говорит в послании к ученику: *«Внемли чтению, утешению, учению»*. Потом говорит и о плодах этого: *«сия бо творя, и сам спасешися и послушающии тебе»* (1Тим.4:13,16). И еще: *«Рабу Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, учителну, незлобиву»*(2Тим.2:24). И далее говорит: *«Ты же пребывай, в нихже научен еси, и яже вверена суть тебе, ведый от кого научился еси: и яко из млада священная писания умееши, могущая тя умудрити во спасение»*. И еще: *«Всяко писание богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде: да совершен будет Божий человек»* (2Тим.3:14–17). Послушай, что он пишет к Титу, беседуя о постановлении епископов: *«подобает бо*, – говорит, – *епископу быти ...держащемуся вернаго словесе по учению, да силен будет... и противящияся обличати»* (Тит.1:7,9). Как же кто-нибудь, оставаясь невеждой, как те говорят, может обличать противящихся и заграждать им уста? И какая нужда заниматься чтением и писаниями, если должно оставаться в таком

невежестве? Всё это вымыслы и предлоги, и прикрытие беспечности и лености. Но это, скажут, предписывается священникам; ибо у нас теперь идет речь о священниках. Что это относится и к находящимся под их властью, о том послушай, как он еще в другом послании увещевает других: *«Слово Христово да вселяется в вас богатно, во всякой премудрости»*; (Кол.3:16) и еще: *«слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено, ведети, како подобает единому комуждо отвещавати»* (Кол.4:6). И слова: *«готови»* будьте *«ко ответу»*, сказаны всем (1Пет.3:15). И в послании к Фессалоникийцам (Павел) говорит: *«созидайте кийждо ближняго, якоже и творите»* (1Фес.5:11). А когда он беседует о священниках, то говорит: *«Прилежащии добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются: паче же труждающиися в слове и учении»* (1Тим.5:17). Это – совершеннейший способ учения, когда и делами, и словами приводят поучаемых к той блаженной жизни, которую предписал Христос; ибо одних дел недостаточно для научения. Это не мои слова, а Самого Спасителя: *«Иже*, – говорит Он, – *сотворит и научит, сей велий наречется»* (Мф.5:19). Если бы *«творить»* значило *«учить»*, то напрасно было бы прибавлено второе слово; довольно было бы сказать только: *«иже сотворит»*; а теперь разделением того и другого Он показывает, что иное зависит от дел, а иное от слова, и каждая из этих двух частей имеет нужду одна в другой, чтобы здание было совершенно. Слышишь ли, что говорит пресвитерам эфесским избранный сосуд Христов: *«Сего ради бдите, поминающе, яко три лета нощь и день не престаях уча со слезами единаго когождо вас»* (Деян.20:31)? Какая нужда в слезах или в словесном учении, когда так ярко сияла жизнь апостольская? Жизнь (его) могла много

содействовать нам к исполнению заповедей; но не скажу, чтобы и в этом отношении она одна совершила все.

[14] 9. Когда возникает спор о догматах и все будут бороться на основании одних и тех же Писаний, тогда какую силу может оказать жизнь? Какая польза от многих подвигов, когда кто-нибудь после этих подвигов по великой неопытности своей впадает в ересь, и отделится от тела Церкви? Я знаю многих, с которыми это случилось. Какая ему польза от терпения? Никакой; равно как (нет пользы) и от здравой веры при развращенной жизни. Поэтому тот, кто поставлен учить других, должен быть опытнее всех в таких спорах. Хотя бы сам он оставался в безопасности, не потерпев никакого вреда от противников, но множество простых людей, находящихся под его руководством, когда увидит, что вождь их побежден и не может ничего сказать противникам, будет винить в этом поражении не его слабость, а нетвердость самого учения; по неопытности одного много людей подвергнется крайней гибели. Если они и не перейдут совершенно на сторону противников, то принуждены бывают сомневаться в том, в чем были уверены; и к чему приступали с твердой верой, тому уже не могут внимать с такой же твердостью; и поднимается такая буря в душах их от поражения учителя, что бедствие оканчивается кораблекрушением. А какая гибель и какой огонь собирается на несчастную главу его за каждого из этих погибающих, об этом мне нет нужды говорить тебе: все это ты сам хорошо знаешь. Итак, от гордости ли, от тщеславия ли происходит мое нежелание быть виновником погибели столь многих людей и на самого себя навлечь наказание больше того, какое теперь ожидает меня там? Кто может сказать это? Никто, разве

кто хотел бы укорять напрасно и предаваться рассуждениям при чужих несчастьях.

Слово 5

[1] Продолжение рассуждения о церковном красноречии. – Беседы, предназначаемые для народа, требуют большого труда. – Трудность удовлетворить слушателей, потому что они часто приходят не за тем, чтобы назидаться, но за тем, чтобы судить о проповеднике. – Чтобы с успехом преодолеть эту трудность и овладеть слушателями, необходимы две вещи: пренебрежение к похвалам и сила слова. – Пренебрежение к похвалам не имеет никакого значения без силы слова, и наоборот. – К пренебрежению похвалами нужно прибавить и презрение к зависти. – Недостаточно приобрести дар слова, нужно еще сохранять его трудом и упражнением, потому что красноречие есть дар изучения еще более, чем природы. – Чем выше у проповедника дар слова, тем более он должен трудиться над ним. – Козни великому проповеднику со стороны его завистливых врагов. – Немного людей, которые в состоянии основательно судить о беседах. – Сильный сознанием своего дара, проповедник может становиться выше суждений толпы. – Еще больше уверенности ему может дать стремление к главной цели – благоугодить Богу. – Пренебрежение к

похвалам не менее необходимо и тому, кто не обладает даром красноречия.

[2] 1. Довольно сказано мной о том, какую опытность должен иметь наставник в борьбе за истину; кроме этого, я хочу сказать о другом предмете, который бывает причиной множества опасностей, или лучше сказать, не он бывает причиной, а те, которые не умеют хорошо пользоваться им; а само это дело может доставить спасение и многие блага, когда им будут заниматься мужи ревностные и способные. Что же это? Великий труд, состоящий в беседах перед народом в общих собраниях. Во-первых, пасомые большей частью не хотят относиться к говорящим, как к наставникам, а поднимаясь выше положения учеников, принимают положение зрителей, присутствующих на мирских зрелищах. Как там народ разделяется, и одни принимают сторону одного, а другие другого, так и здесь: разделившись, одни принимают сторону одного, а другие другого, и слушают говорящих, сообразуясь со своим благоприятным или враждебным расположением. И не в этом только состоит трудность, но не меньше того и в другом. Если случится кому из говорящих прибавить к своим словам какую-нибудь часть чужих трудов, то он подвергается большим укоризнам, чем похитители чужого имущества; а часто терпит такое обвинение и тот, кто только подозревается в этом, хотя ни у кого ничего не заимствовал. Но что я говорю о чужих трудах? Часто он не может пользоваться и своими сочинениями. Люди большей частью привыкли слушать не для пользы, а для удовольствия, представляя себя как бы судьями трагиков или игроков на кифаре; и то искусство слова, которое мы теперь признали излишним,

здесь так одобряется, как у софистов, когда они вынуждаются спорить друг с другом.

[3] 2. Итак, и здесь нужен человек с душой мужественной, много превосходящей нашу немощь, чтобы он мог отвлекать народ от этого непристойного и бесполезного удовольствия и приучать его к слушанию более полезного так, чтобы народ ему следовал и повиновался, а не он руководился прихотями народа. Но этого нельзя достигнуть иначе, как двумя способами: **презрением похвал** и **силой слова**. Если не будет одного из них, то и остальной по отделении от первого, будет бесполезен. Если презирающий похвалы не преподает учения, *«растворенного благодатию и солию»* (Кол.4:6), то он лишается уважения у народа, не получая никакой пользы от своего великодушия; а если исправный по этой части будет прельщаться славою рукоплесканий, то произойдет одинаковый вред и для народа, и для него самого, как старающегося по пристрастию к похвалам говорить более для удовольствия, нежели для пользы слушателей. И как тот, кто не имеет пристрастия к похвалам и не умеет говорить, хотя не угождает народу, но не может приносить ему и какой-либо значительной пользы от того, что не может ничего сказать; так и увлекающийся страстью к похвалам, хотя может вести беседы назидательные для народа, но вместо них предлагает то, что более услаждает слух, приобретая этим себе шум рукоплесканий.

[4] 3. Итак, отличный руководитель должен быть силен в том и другом, чтобы недостаток одного не уничтожил и другого. Когда он, выступив среди народа, станет говорить обличения живущим беспечно, но потом смешается и станет запинаться и по скудости речи

принужден будет краснеть, тотчас исчезает вся польза от сказанного. Обличаемые, негодуя на сказанное и не имея другого средства отмстить ему, осыпают его насмешками за его неумение, надеясь этим прикрыть свои недостатки. Посему нужно ему, как бы какому отличному вознице, хорошо владеть обоими этими совершенствами, чтобы можно было надлежащим образом действовать тем и другим. Когда он окажется неукоризненным во всем, тогда, с какой угодно властью, может и наказывать, и освобождать всех вверенных его руководству; а без этого трудно приобрести такую власть. Впрочем, великодушие не должно ограничиваться одним только презрением похвал, но и простираться далее, чтобы польза опять не осталась несовершенной.

[5] 4. От чего же еще должно воздерживаться? От ненависти и зависти. Полезно ни чрезмерно опасаться и бояться несправедливых обвинений (а предстоятелю неизбежно подвергаться безрассудным укоризнам), ни совершенно пренебрегать ими; но хотя бы они были ложны, хотя бы возводимы были на нас людьми неважными, надобно стараться скорее погашать их. Ничто так не увеличивает славы худой и доброй, как нерассудительный народ; привыкнув и слушать, и говорить необдуманно, он повторяет без разбора всё приключившееся, нисколько не заботясь об истине. Посему не должно пренебрегать народом, но возникающие худые подозрения тотчас истреблять, убеждая обвинителей, хотя бы они были бессмысленнейшие из всех людей, и не опуская ничего из всего того, что может уничтожить недобрую славу; если же и после того, как мы сделаем со своей стороны всё, обвинители не захотят вразумиться, тогда отнестись к ним с презрением. Кто упадет духом от таких

неприятностей, тот никогда не будет в состоянии совершить что-нибудь доблестное и достохвальное; уныние и непрестанные беспокойства могут сокрушить силу души и довести до крайнего изнеможения. Священник должен относиться к пасомым так, как бы отец относился к своим малолетним детям; как от этих мы не отвращаемся, когда они оскорбляют или ударяют, или плачут, и даже, когда они смеются и ласкаются к нам, не очень заботимся об этом, так и священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаниями, если они будут неосновательны. Трудно это, блаженный, а может быть, я думаю, и невозможно. Слышать себе похвалы и не радоваться, не знаю, случалось ли когда-нибудь кому-либо из людей: а кто радуется этому, тот конечно и желает получать их; желающий же получать их непременно будет печалиться и унывать, и скучать, и досадовать, когда лишается этих похвал. Как богачи, пока богаты, веселятся, а обеднев, сетуют и, привыкнув к роскоши, не могут переносить жизни бедной, так и пристрастные к похвалам не только тогда, когда их порицают напрасно, но если их и не часто хвалят, терзаются в душе как бы каким голодом, если они привыкли к похвалам или услышат, что другие удостаиваются похвал. Сколько же трудов и сколько огорчений, думаешь ты, предстоит вышедшему на подвиг учения с такою страстью? Невозможно, чтобы море когда-нибудь не волновалось; невозможно, чтобы и душа такого человека оставалась без забот и скорби.

[6] 5. Кто владеет великой силой слова (а ее у немногих можно найти), даже и тот не бывает свободен от непрестанных трудов. Так как сила слова не дается природой, но приобретается образованием, то хотя бы кто довел ее до высшего совершенства, и тогда он может

потерять ее, если постоянным усердием и упражнением не будет развивать этой силы. Таким образом образованнейшие должны более трудиться, нежели менее образованные; ибо нерадение тех и других сопровождается не одинаковым ущербом, но у первых он столько важнее, сколько различие между тем, чем владеют те и другие. Последних никто не будет укорять, если они не произносят ничего отличного; а первые, если не всегда будут предлагать беседы, превышающие то мнение, которое все имеют о них, то подвергаются от всех великим укоризнам. Притом последние и за малое могут получать великие похвалы; а первые, если слова их не будут сильно удивлять и поражать, не только не удостаиваются похвал, но и находят многих порицателей. Слушатели сидят и судят о проповеди не по ее содержанию, а по мнению о проповедующих. Потому, кто превосходит всех красноречием, тому более всех нужно усердно трудиться; ему нельзя извиняться тем общим недостатком природы человеческой, что невозможно успевать во всем; но если беседы его не вполне будут соответствовать высокому мнению о нем, то они сопровождаются множеством насмешек и порицаний от народа. Никто сам в себе не рассуждает о том, что приключившееся уныние, беспокойство, забота, а часто и гнев, помрачают чистоту ума и не позволяют произведениям его являться светлыми, и что вообще человеку невозможно всегда быть одинаковым и во всем успевать; но естественно иногда и погрешить, и оказаться слабее собственной силы. Ни о чем этом, как я сказал, не хотят подумать, но винят проповедника, судя о нем, как об ангеле. И вообще человек таков, что на заслуги ближнего, и многочисленные и великие, не обращает внимания; а если откроется какой-нибудь недостаток, –

хотя бы незначительный, хотя бы давно случившийся, – тотчас узнает его, немедленно привязывается к нему, и всегда помнит его: и это малое и незначительное часто уменьшает славу многих и великих мужей.

[7] 6. Видишь, почтенный, что сильному в слове нужно иметь особенно большую ревность, а вместе с ревностью и такое терпение, в каком нуждаются не все из вышеупомянутых мной. Многие непрестанно беспокоят его напрасно и без причины, и не имея, в чем обвинять его, враждуют против него за то, что он всеми уважается. Нужно мужественно переносить гнусную их ненависть. Не желая скрывать этой проклятой ненависти, питаемой ими без всякой причины, они злословят и порицают, клевещут тайно и враждуют явно. Если душа при всякой такой неприятности станет беспокоиться и раздражаться, то она не может быть бодрой, изнемогая от печали. И не только сами они мстят ему, но стараются делать это и через других; часто, выбрав кого-нибудь, не умеющего ничего сказать, они превозносят его похвалами и удивляются ему выше его достоинства; одни делают это по безумию, другие и по невежеству, и по зависти, чтобы унизить славу достойного, а не для того, чтобы прославить недостойного. Но не только с ними бывает борьба у доблестного мужа, но часто и с невежеством целого народа. Так как невозможно, чтобы весь собравшийся народ состоял из людей образованных, но иногда большую часть собрания составляют люди простые; прочие же хотя и разумнее этих последних, но в сравнении с людьми, способными судить о красноречии, гораздо более несведущи, чем все другие в сравнении с ними; а найдется едва один или два человека, имеющих такую способность, неизбежно происходит то, что говоривший лучше получает менее рукоплесканий, а

иногда остается и без всяких похвал. Нужно вооружаться мужеством против таких несправедливостей, и тех, которые поступают так по невежеству, прощать, а тех, которые делают это по зависти, оплакивать как несчастных и жалких, и быть уверенным, что собственная сила ни от тех, ни от других не умаляется. Так и живописец отличный и превышающий всех в своем искусстве, видя, что люди несведущие в этом искусстве осмеивают картину, написанную им с большей тщательностью, не должен падать духом и считать картину худой, по суду невежд, равно как и считать удивительной и прекрасной действительно худую картину потому только, что ею восхищаются невежды.

[8] 7. Отличный художник должен быть сам и судьей своих произведений; хорошими или худыми они должны считаться тогда, когда произведший их ум произнесет о них тот или другой приговор; а о мнении посторонних, неверном и неопытном, никогда и думать не нужно. Так и принявший на себя подвиг учительства должен не внимать похвалам посторонних людей и не ослабевать своей душой без них; но составляя поучения так, чтобы угодить Богу (ибо это должно быть у него правилом и единственной целью тщательнейшего составления поучений, а не рукоплескания и похвалы), если будет хвалим людьми, пусть не отвергает похвал, если же не получает их от слушателей, пусть не ищет и не сетует; потому что для него достаточное и наилучшее утешение в трудах есть то, если он может сознавать в самом себе, что он составлял и направлял свои поучения на благоугождение Богу.

[9] 8. Подлинно, кто предается страсти к безрассудным похвалам, тот не получит никакой пользы ни от многих

трудов своих, ни от силы своего слова; потому что душа, не умеющая переносить неразумных осуждений народа, слабеет и теряет охоту к упражнению в слове. Посему больше всего нужно приучаться презирать похвалы; потому что без этого недостаточно одного умения говорить для сохранения в себе этой силы. Даже если кто захочет обратить тщательное внимание на того, у кого недостает этой способности, то найдет, что и он не меньше того имеет нужду в презрении похвал. Не достигая славы от народа, он неизбежно впадет во множество грехов. Так, не имея сил сравняться с отличающимися способностью красноречия, он не удержится от вражды к ним и зависти, и напрасных порицаний, и многих подобных непристойностей; но решится на всё, хотя бы предстояло погубить свою душу, только бы приобрести славу их скудостью своих способностей. Кроме того, он утратил и ревность к этим трудам, так как некоторое расслабление постигнет душу его. Много трудиться, а получать мало похвал – это действительно может изнурить и погрузить в глубокий сон не умеющего презирать похвалы. Так и земледелец, вынужденный трудиться над неплодным полем и возделывать каменистую землю, скоро оставляет труды свои, если не имеет большой склонности к работе и не опасается голода. Если же способные говорить с великой властью, имеют нужду в постоянном упражнении для сохранения этой способности, то нисколько не приготовившийся ранее и принужденный думать об этом во время самых подвигов какие встретит трудности, какое беспокойство, какое смущение, чтобы с великим трудом приобрести какой-нибудь малый успех! А если кто-нибудь из поставленных после него и занимающих низшее положение успеет более его прославиться по этой части,

тогда нужна душа как бы божественная, чтобы не предаться ненависти и не впасть в уныние. Стоять на высшей степени достоинства и быть превзойденным низшими, и переносить это мужественно, это свойственно необыкновенной и не моей душе, но как бы адамантовой. Эта неприятность бывает еще сносной, когда превзошедший скромен и весьма умерен; но если он будет дерзок и горд, и честолюбив, тогда тому нужно каждый день желать себе смерти; до такой степени горькой для того жизнь сделает он, превозносясь над ним явно, насмехаясь тайно, отнимая от него власть более и более, стремясь заменить его во всем, и во всех этих случаях находя себе важную опору в свободе речи, расположенности к нему народа и приверженности всех пасомых. Разве ты не знаешь, какая ныне развилась в душах христиан любовь к красноречию и что занимающиеся им больше всех уважаются не только у внешних (язычников), но и *«у присных в вере»* (Гал.6:10)? Кто же может перенести такой стыд, когда во время его беседы все молчат и тяготятся, и ожидают окончания слова как бы какого отдыха от трудов, а другого, хотя и долго говорящего, слушают с долготерпением, досадуют, когда он хочет остановиться, и гневаются, когда он намеревается замолчать? Всё это теперь кажется тебе маловажным и не заслуживающим внимания, как не испытанное, но может погасить ревность и ослабить душевную силу, разве кто, отрешившись от всех человеческих страстей, потщится уподобиться бесплотным Силам, не подверженным ни зависти, ни славолюбию, ни другой какой-нибудь подобной слабости. Если найдется такой человек, который может попрать этого неуловимого, неодолимого и дикого зверя, т.е. народную славу, и отсечь многочисленные его головы,

или лучше не допустить этой славе и зарождаться в начале, тот будет в состоянии удобно отражать все эти нападения и остаться спокойным, как бы в тихой пристани; а кто не освободился от нее, тот обременяет свою душу, как бы разнообразной борьбой, постоянным смятением и унынием, и множеством других страстей. Нужно ли исчислить и прочие затруднения, о которых не может и говорить, и знать тот, кто не испытал их на самом деле?

Слово 6

[1] Ответственность священника за грехи вверенной ему паствы. – Благоразумие и осторожность, с которыми нужно жить, чтобы предохранить себя от заражения делами мира сего и сохранять красоту души. – Ревность, тщательность и бдительность в отправлении священнослужения. – Священники суть посланники Божии не к одному только городу, но ко всей земле. – Они поставлены, чтобы молиться и ходатайствовать о прощении грехов людей, и не только живых, но и умерших. – Призвав Святого Духа, они благоговейно приносят великую жертву, приближаться к которой должно со страхом и трепетом. – Они носят в своих руках Владыку и Господа всех людей. – Необходимость для них самого тщательного благоразумия, чтобы не оскорбить кого-нибудь из ближних, приспособляться ко всем, не прибегая к хитрости, притворству и лести, но скорее действуя с великим дерзновением и свободой, причем попеременно, смотря по обстоятельствам, можно употреблять суровость иди мягкость. – Как ни велики труды монахов и как ни трудна брань, которую они ведут, но во всяком случае служение епископа труднее

отшельничества. – Осуществлять добродетель в пустыне легче, чем при исполнении церковных дел, так как эти дела подвергают епископа многим случайностям и легко открывают в нем пороки и недостатки, которые не обнаружились бы в пустыне. – Повторение совета не пренебрегать народной молвой, хотя бы она была ложной. – Нетрудно спастись самому себе. – Священник подлежит более страшному наказанию, чем простые верующие. – Состояние, которое должен переживать человек, когда его хотят возвести в священный сан. – Нет более страшной брани, как та, которую воздвигает на нас в таких случаях дьявол.

[2] 1. Так бывает в здешней жизни, как о том ты слышал; а как мы перенесем имеющее быть тогда, когда должны будем отдать отчет за каждого из вверенных нам? Там наказание не ограничится стыдом, но предстоит вечное мучение. *«Повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся: тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще»* (Евр.13:17); об этом хотя я и прежде говорил, но и теперь не умолчу; страх такой угрозы постоянно потрясает мою душу. Если соблазняющему только одного и притом малейшего *«уне есть ..., да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей»*, и если все уязвляющие совесть братьев, согрешают против Самого Христа (Мф.18:6; 1Кор.8:12); то что некогда потерпят и какому

подвергнутся наказанию те, которые погубили не одного, двух или трех, но такое множество? Им нельзя оправдываться неопытностью, прибегать к неведению, извиняться необходимостью и принуждением; к такой защите, если бы было позволено, скорее мог бы прибегнуть кто-нибудь из подчиненных для оправдания себя в собственных грехах, чем предстоятели – для оправдания в грехах других людей. Почему? Потому, что поставленный исправлять невежество других и предварять о наступающей борьбе с дьяволом, не может оправдываться неведением и говорить: я не слышал трубы, я не предвидел войны. Он, как говорит Иезекииль, для того и посажен, чтобы трубить для других и предвозвещать об угрожающих бедствиях; почему неминуемо постигнет его наказание, хотя бы погиб только один человек. *«Страж*, – говорит он, – *аще увидит меч грядущ, и не вострубит людем и не проповесть, ...и нашед меч возмет душу, та убо беззакония ради своего взяся, а крове ея от руки стража взыщу»* (Иез.33:6). Перестань же вовлекать меня в столь неизбежную ответственность. Мы говорим не о предводительстве войском и не о царствовании (земном), но о деле, требующем ангельских добродетелей.

[3] 2. Священник должен иметь душу чище самых лучей солнечных, чтобы никогда не оставлял его без себя Дух Святой, и чтобы он мог сказать: *«живу же не ктому аз, но живет во мне Христос»* (Гал.2:20). Если живущие в пустыне, удалившиеся от города, рынка и тамошнего шума, и всегда находящиеся как бы в пристани и наслаждающиеся тишиной, не решаются полагаться на безопасность своей жизни, но принимают множество и других предосторожностей, ограждая себя со всех сторон, стараясь говорить и делать всё с великой

осмотрительностью, чтобы они могли с дерзновением и истинной чистотой приступать к Богу, сколько позволяют силы человеческие; то какую, думаешь ты, должен иметь силу и твердость священник, чтобы он мог охранять душу свою от всякой нечистоты и соблюдать неповрежденной духовную красоту? Ему нужна гораздо большая чистота, чем тем, а кому нужна большая чистота, тому более предстоит случаев очерниться, если он постоянным бодрствованием и великим напряжением сил не сделает душу свою неприступной для этого. Благообразие лица, приятность телодвижений, стройность походки, нежность голоса, подкрашивание глаз, расписывание щек, сплетение кудрей, намащение волос, драгоценность одежд, разнообразие золотых вещей, красота драгоценных камней, благоухание мастей и всё другое, чем увлекается женский пол, может привести душу в смятение, если она не будет крепко ограждена строгим целомудрием. Впрочем, приходить в смятение от всего этого нисколько неудивительно; а то, что дьявол может поражать и уязвлять души человеческие предметами противоположными этим, возбуждает великое изумление и недоумение. Некоторые, избегнув сетей, впали в другие, весьма отличные от них. Небрежное лицо, неприбранные волосы, грязная одежда, неопрятная наружность, грубое обращение, несвязная речь, нестройная походка, неприятный голос, бедная жизнь, презренный вид, беззащитность и одиночество, это сначала возбуждает жалость в зрителе, а потом доводит до крайней погибели.

[4] 3. Многие, избежав первых сетей, состоящих из золотых вещей, мастей, одежд и прочего, о чем я сказал, легко впадали в другие, столь отличные от них, и погибали. Если же и бедность и богатство, и красивый вид и простая наружность, обращение благоприличное и небрежное, и

вообще всё то, что я исчислил, может возбуждать борьбу в душе зрителя и окружать его напастями со всех сторон, то как он может успокоиться среди столь многих сетей? Где найдет убежище, не скажу – для того, чтобы не быть увлеченным насильно (от этого избавиться не очень трудно), но чтобы сохранить душу свою от возмущения нечистыми помыслами? Не говорю о почестях – причине бесчисленных зол. Почести, оказываемые женщинами, хотя и ослабляются силой целомудрия, однако часто и низвергают того, кто не научился постоянно бодрствовать против таких козней; а от почестей, оказываемых мужчинами, если кто будет принимать их не с великим равнодушием, тот впадает в две противоположные страсти – рабское угождение и безумное высокомерие, с одной стороны, вынуждаясь унижаться перед льстецами своими, а с другой – воздаваемыми от них почестями надмеваясь перед низшими и низвергаясь в пропасть безумия. Об этом уже было сказано мной; а какой отсюда происходит вред, этого никто не может хорошо знать без собственного опыта. И не только этим, но и гораздо большим опасностям неизбежно подвергается обращающийся среди людей. А возлюбивший пустыню свободен от всего этого; если же иногда греховный помысл и представляет ему что-нибудь подобное, то представление бывает слабо и скоро может погаснуть, потому что зрение не доставляет извне пищи для пламени. Монах боится только за себя одного, если же и вынуждается заботиться о других, то о весьма немногих; а хотя бы их было и много, однако число их всегда менее принадлежащих к церквям, и заботы о них гораздо легче для настоятеля, не только по малочисленности их, но и потому, что все они свободны от мирских дел и не имеют надобности печься ни о детях, ни о жене, ни о другом

чем-либо подобном. А это делает их весьма послушными настоятелям и позволяет им иметь общее жилище, где погрешности их тщательно могут быть замечаемы и исправляемы; такой постоянный надзор наставников немало способствует к преуспеянию в добродетели.

[5] 4. Напротив, большая часть из подведомых священнику стеснена житейскими заботами, которые делают их менее расположенными к делам духовным. Поэтому учитель должен, так сказать, сеять ежедневно, чтобы слово учения по крайней мере непрерывностью своей могло укрепиться в слушателях. Чрезмерное богатство, величие власти, беспечность, происходящая от роскоши, и кроме того многое другое подавляет посеянные семена; а часто густота этих терний не допускает пасть семенам даже на поверхность почвы. С другой стороны, чрезмерная скорбь, нужды бедности, непрестанные огорчения и другие причины, противоположные вышесказанным, препятствуют заниматься божественными предметами; что же касается грехов, то и малейшая часть их не может быть известна священнику; как он может знать их, когда большей части людей он и в лицо не знает? Такие неудобства сопряжены с обязанностями его в отношении к народу; если же кто рассмотрит обязанности его в отношении к Богу, то найдет, что те обязанности ничтожны: столь большей и тщательнейшей ревности требуют эти последние. Тот, кто молится за весь город, – что я говорю за город? – за всю вселенную, и умилостивляет Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших, тот каким сам должен быть? Даже дерзновение Моисея и Илии я почитаю недостаточным для такой молитвы. Он так приступает к Богу, как бы ему вверен был весь мир и сам он был отцом всех, прося и умоляя о прекращении повсюду войн и усмирении мятежей, о мире

и благоденствии, о скором избавлении от всех тяготеющих над каждым бедствий частных и общественных. Посему он сам должен столько во всем превосходить всех, за кого он молится, сколько предстоятелю следует превосходить находящихся под его покровительством. А когда он призывает Святого Духа и совершает страшную жертву и часто прикасается к общему всем Владыке; тогда, скажи мне, с кем наряду мы поставим его? Какой потребуем от него чистоты и какого благочестия? Подумай, какими должны быть руки, совершающие эту службу, каким должен быть язык, произносящий такие слова, кого чище и святее должна быть душа, приемлющая такую благодать Духа? Тогда и Ангелы предстоят священнику, и целый сонм Небесных Сил взывает, и место вокруг жертвенника наполняется ими в честь Возлежащего на нем. В этом достаточно удостоверяют самые действия, совершаемые тогда. Я некогда слышал такой рассказ одного человека: некоторый пресвитер, муж дивный и неоднократно видевший откровения, говорил ему, что он некогда был удостоен такого видения, именно во время службы вдруг увидел, сколько то было ему возможно, множество Ангелов, одетых в светлые одежды, окружавших жертвенник и поникших главами, подобно воинам, стоявшим в присутствии Царя. И я верю этому. Также некто другой рассказывал мне, не от другого узнавши, но удостоившись сам видеть и слышать, что готовящихся отойти отсюда, если они причастятся Тайн с чистой совестью, при последнем дыхании окружают Ангелы и препровождают их отсюда ради принятых ими Тайн. А ты не трепещешь, привлекая мою душу к столь священному таинству, и возводя в священническое достоинство одетого в нечистые одежды, какого Христос изгнал из

общества прочих собеседников (Мф.22:13)? Душа священника должна сиять подобно свету, озаряющему вселенную; а мою душу окружает такой мрак от нечистой совести, что она, всегда погруженная во мрак, не может никогда с дерзновением воззреть на своего Владыку. Священники – *«соль земли»* (Мф.5:13); а мое неразумие и неопытность во всем может ли кто легко перенести, кроме тебя, привыкшего чрезмерно любить меня? Священник должен быть не только чист так, как удостоившийся столь великого служения, но и весьма благоразумен и опытен во многом, знать всё житейское не менее обращающихся в мире и быть свободным от всего более монахов, живущих в горах. Так как ему нужно обращаться с мужами, имеющими жен, воспитывающими детей, владеющими слугами, окруженными большим богатством, исполняющими общественные дела и облеченными властью, то он должен быть многосторонним; говорю – многосторонним, но не лукавым, не льстецом, не лицемером, но исполненным великой свободы и смелости, и однако умеющим и уступать с пользой, когда потребует этого положение дел, быть кротким и вместе строгим. Нельзя со всеми подвластными обращаться одинаковым образом, также как врачам нельзя лечить всех больных одним способом, и кормчему – знать одно только средство для борьбы с ветрами. И корабль Церкви волнуют постоянные бури; эти бури не только вторгаются извне, но зарождаются и внутри, и требуют от священника великой внимательности и тщательности.

[6] 5. Все эти разнообразные действия направляются к одной цели – к славе Божией, к созиданию Церкви. Велик подвиг и велик труд монахов. Но если кто сравнит труды их со священством, хорошо исправляемым, тот найдет

между ними такое различие, какое между простолюдином и царем. У тех хотя и велик труд, но в подвиге участвуют и душа, и тело, или лучше сказать, большая часть его совершается посредством тела; и если оно не будет крепко, то ревность и остается только ревностью, не имея возможности выразиться на деле. Напряженный пост, возлежание на земле, бодрствование, неумовение, тяжелый труд и прочее, способствующее изнурению тела, – всё это оставляется, если не крепко тело, подлежащее изможднию. А здесь – чистая деятельность души, и нет нужды в здоровом теле, чтобы проявить ее добродетель. Содействует ли нам крепость телесная в том, чтобы не быть гордыми, гневливыми, дерзкими, а быть трезвенными, целомудренными, скромными и иметь все прочие качества, который блаженный Павел исчислил при изображении превосходного священника (1Тим.3:2)? Но этого нельзя сказать о добродетели монашествующего. Как представляющим зрелища нужны многие орудия – колеса, веревки и мечи, – а у философа вся деятельность заключается в душе его, так что он не нуждается ни в чем внешнем; так и здесь. Монахи имеют нужду в благосостоянии телесном и в местах, удобных для жительства, чтобы не быть очень удаленными от общения с людьми и иметь тишину пустыни, а также не лишаться и благорастворенного воздуха; потому что для изнуряющего себя постами нет ничего вреднее, как неблагорастворенность воздуха.

[7] 6. Я не стану теперь говорить о том, сколько они принуждены бывают иметь забот о приготовлении одежд и пропитания, стараясь делать всё сами для себя. А священник не имеет нужды ни в чем этом для своего употребления, но живет без забот о себе и в общении (с пасомыми) во всем, что не приносит вреда, слагая все

познания в сокровищнице своей души. Если же кто станет превозносить уединение внутри самого себя и удаление от общения с народом, то, хотя и сам я назвал бы это знаком терпения, но это не служит достаточным доказательством полного душевного мужества. Управляющий рулем внутри пристани еще не представляет точного доказательства своего искусства; но того, кто среди моря и во время бури мог спасти корабль, никто не может не назвать превосходным кормчим.

[8] 7. Итак, мы не должны чрезмерно удивляться тому, что монах, пребывая в уединении с самим собой, не возмущается и не совершает многих и тяжких грехов; он удален от всего, раздражающего и возмущающего душу. Но если посвятивший себя на служение целому народу и обязанный нести грехи многих остается непоколебимым и твердым, в бурное время управляя душой, как бы во время тишины, то он, по справедливости, достоин рукоплесканий и удивления всех; потому что Он представил ясное доказательство своего мужества. Посему и ты не удивляйся тому, что я, избегая площади и общения с людьми, не имею против себя многих обвинителей; и не следовало удивляться, если я во время сна не грешил, не ратоборствуя, не падал, не сражаясь, не был ранен. Кто же, скажи, кто станет обличать и открывать мою порочность? Эта кровля и эта келья? Но они не могут говорить. Мать, которая более всех знает мои качества? Но с ней особенно у меня нет ничего общего и никогда у нас не было распри. А если бы это и случалось, то нет никакой матери столь жестокой и нечадолюбивой, которая бы без всякой побудительной причины и без всякого принуждения стала хулить и позорить перед всеми того, кого носила, родила и

воспитала. Если бы кто захотел тщательно испытать мою душу, то нашел бы в ней много слабостей, как знаешь и сам ты, привыкший больше всех превозносить меня похвалами перед всеми. Что я говорю это не по скромности, припомни, сколько раз я говорил тебе, – когда у нас бывала речь об этом – что, если бы кто предложил мне на выбор: где я более желал бы заслужить доброе о себе мнение, в предстоятельстве ли церковном или в жизни монашеской, я тысячекратно избрал бы первое. Я никогда не переставал ублажать перед тобой тех, которые могли хорошо исправлять это служение; и никто не будет спорить, что я не убежал бы от того, что сам ублажал, если бы был способен исполнять это. Но что мне делать? Ничто так не бесполезно для предстоятельства церковного, как эта праздность и беспечность, которую иные называют каким-то дивным подвижничеством; а я нахожу в ней как бы завесу собственной негодности, прикрывая ею множество моих недостатков и не допуская их обнаружиться. Кто привык находиться в таком бездействии и жить в великом спокойствии, тот хотя бы имел большие способности, от недеятельности тревожится и смущается, и немалую часть собственной силы ослабляет, оставляя ее без упражнения. А если он вместе с тем будет еще слаб умом и неопытен в красноречии и состязаниях – в каком положении я и нахожусь, – то, приняв управление, он нисколько не будет отличаться от каменных (истуканов). Поэтому немногие из этого подвижничества переходят на подвиги священства; и из них большая часть оказываются неспособными, падают духом и испытывают неприятные и тяжелые последствия. И это нисколько неудивительно; если подвиги и упражнения не одинаковы, то подвизающийся в одних нисколько не отличается от

неупражнявшихся в других подвигах. Выходящий на поприще священства в особенности должен презирать славу, преодолевать гнев, быть исполнен великого благоразумия. Но посвятившему себя иноческой жизни не представляется никакого повода к упражнению в этом. При нем нет людей, которые бы раздражали его, чтобы он привык укрощать силу гнева; нет людей, восхваляющих и рукоплещущих, чтобы он научился пренебрегать похвалами народа; не много заботы у них и о благоразумии, потребном в церковных делах. Посему, когда они приступают к подвигам, которых не испытывали, то недоумевают, затрудняются и приходят в замешательство, и кроме того, что не преуспевают в добродетели, часто многие теряют и то, с чем пришли.

[9] 8. **Василий** сказал: – Что же? Неужели поставлять на управление Церковью людей, обращающихся в мире, пекущихся о житейских делах, упражняющихся в распрях и ссорах, исполненных множества несправедливостей и привыкших к роскоши?

[10] **Златоуст**. – Успокойся, блаженный, – сказал я. О таких и думать не должно при избрании священников; но о таких, кто, живя и обращаясь со всеми, мог бы более самих иноков соблюсти целыми и нерушимыми чистоту, спокойствие, благочестие, терпение, трезвенность и прочие добрые качества, свойственные монахам. А кто имеет много слабостей, но в одиночестве может скрывать их, и без общения с людьми оставлять их неприложимыми к делу, тот, выступив перед всеми, не достигнет ничего другого, кроме того, что сделается смешным и подвергнется большей опасности; чего едва не потерпел и я, если бы провидение Божие скоро не отклонило этого огня от главы моей. Когда такой человек будет поставлен

на виду, то он не может укрыться, но всегда обличается; как огонь испытывает металлические вещества, так и клир испытывает человеческие души и распознает, гневлив ли кто или малодушен, или честолюбив, или горд, или имеет какой-либо другой порок, открывает и скоро обнаруживает все слабости, и не только обнаруживает, но и делает их тягчайшими и упорнейшими. Как телесные раны, быв растравляемы, делаются неудобоисцелимыми: так и страсти душевные, быв возбуждаемы и раздражаемы, обыкновенно более ожесточаются и принуждают преданных им более грешить; человека невнимательного к себе они склоняют к славолюбию, к надменности и корыстолюбию, вовлекают в роскошь, расслабление и беспечность и мало-помалу в дальнейшие, рождающиеся от них пороки. Среди людей многое может ослабить ревность души и остановить ее стремление к Богу; и прежде всего обращение с женщинами. Нельзя предстоятелю, пасущему всё стадо, печься об одной части его – о мужчинах, а другую оставить в пренебрежении, т.е. женщин, которые особенно нуждаются в большей заботливости, по причине удобопреклонности к грехам; но принявший епископство должен заботиться и об их здоровье, если не в большей, то в равной мере; обязан навещать их, когда они больны, утешать, когда скорбят, укорять предающихся беспечности, помогать бедствующим. А при исполнении этого лукавый найдет много путей к нападению, если кто не оградит себя тщательным охранением. Взор не только невоздержной, но и целомудренной женщины поражает и смущает душу, ласки обольщают, почести порабощают, и пламенная любовь – эта причина всех благ – делается причиной бесчисленных зол для тех, которые неправильно пользуются ею. Также и непрестанные заботы

притупляют остроту ума и способного возноситься подобно птице делают тяжелее свинца; и гнев, овладевая душой, омрачает всю ее внутренность, подобно дыму. Кто может исчислить прочие вредные действия – обиды, порицания, укоризны от высших и от низших, от разумных и от неразумных?

[11] 9. Особенно люди, неспособные к правому суждению, бывают взыскательны и не скоро принимают оправдание. Доброму предстоятелю нельзя презирать и этих людей, но должно отвечать на обвинения всех их с великой кротостью и с готовностью – лучше прощать им неразумные укоризны, нежели досадовать и гневаться. Если блаженный Павел, опасаясь со стороны учеников подозрения в хищении, допустил и других к распоряжению деньгами: *«да не кто нас*, – говорит, – *поречет во обилии сем, служимем нами»* (2Кор.8:20), – то не должны ли мы делать все, чтобы уничтожить худые подозрения, хотя бы они были ложны, хотя бы безрассудны и весьма несообразны с нашей славой? Ни от какого греха столько не далеки мы, как Павел от хищения; и однако он, столь далекий от этого худого дела, не пренебрег подозрением народа, хотя весьма бессмысленным и безумным; ибо действительно безумно было подозревать в чем-либо подобном эту блаженную и дивную главу. Несмотря на то, что это подозрение было так безрассудно и могло быть разве у какого-нибудь сумасшедшего человека, тем не менее Павел заранее устраняет причины его; он не презрел безрассудности народа и не сказал: кому может прийти на мысль подозревать меня в этом, когда и чудеса, и скромность жизни приобрели мне от всех уважение и удивление? Совершенно напротив, он предвидел и предполагал это дурное подозрение, и вырвал его с корнем, или лучше, не

допустил появиться и началу его. Почему? Потому что «*промышляем добрая*, – говорит он, – *не токмо пред Богом, но и пред человеки*» (2Кор.8:21). Столько и даже еще более надобно стараться о том, чтобы не только истреблять и останавливать возникающую худую молву, но и предвидеть издалека, откуда она могла бы произойти, наперед уничтожать причины, от которых она происходит, и не ждать, пока она составится и распространится в устах народа; потому что тогда уже нелегко истребить ее, но весьма трудно, и может быть даже невозможно, и притом будет опасно, чтобы не произошел вред для народа. Впрочем, доколе я не остановлюсь, преследуя недостижимое? Исчислять все здешние трудности значит не что иное, как измерять море. Если и тот, кто чист от всякой страсти, что, впрочем, невозможно, – неизбежно подвергается бесчисленным горестям для исправления погрешностей других, то при собственных слабостях, представь, какую бездну трудов и забот и какие страдания должен перенести желающий преодолеть и свои, и чужие пороки!

[12] 10. **Василий** сказал: – А ты теперь не подвизаешься в этих трудах и не имеешь забот, живя одиноким?

[13] **Златоуст**. – Имею и теперь, – сказал я; – как можно человеку, проводящему эту многотрудную жизнь, быть свободным от забот и подвигов? Но не одно и то же пуститься в беспредельное море, и переплывать реку; таково различие между теми и этими заботами. Если бы я мог быть полезным для других, я и сам теперь пожелал бы, и это было бы предметом моей усердной молитвы; а так как я не могу принести пользы другому, то удовольствуюсь тем, если по крайней мере успею спасти и исхитить из бури самого себя.

[14] **Василий** сказал: – Неужели ты считаешь это великим делом, и вообще, неужели думаешь спастись, не быв полезным никому другому?

[15] **Златоуст**. – Хорошо и справедливо ты сказал, – отвечал я; – и сам я не верю, чтобы можно было спастись тому, кто ничего не делает для спасения ближнего. Несчастному рабу нисколько не помогло то, что он не уменьшил таланта, но погубило его то, что он не умножил и не принес вдвое больше (Мф.25:24–30). Впрочем, я думаю, что мне будет более легкое наказание, когда буду обвиняем за то, почему я не спас других, нежели когда бы погубил и других, и себя, сделавшись худшим по принятии такой почести. Я уверен, что теперь ожидает меня такое наказание, какого требует тяжесть грехов моих, а по принятии власти – не двойное и не тройное, но многократное за соблазн многих и за оскорбление Бога, удостоившего меня большей чести.

[16] 11. Поэтому и израильтян Бог весьма сильно обличал, показывая им, что они достойны большего наказания за грехи, совершенные после дарованных им от Него преимуществ. Иногда Он говорил: *«вас точию познах от всех племен на земле, сего ради отмщу на вас вся грехи ваша»*, (Ам.3:2) а иногда: *«поях от сынов ваших во пророки, и от юнот ваших во освящение»* (Ам.2:11). И еще прежде пророков, при установлении жертв желая показать, что грехи священников подлежат гораздо большему наказанию, нежели грехи простолюдинов, Он повелевает приносить за священника такую жертву, какая (была приносима) за весь народ (Лев.4). Этим Он выражает не что иное, как то, что раны священника нуждаются в большей помощи и такой, в какой – раны всего вообще народа; а они не нуждались бы в большей

помощи, если бы не были тягчайшими, тягчайшими же они бывают не по своей природе, но по достоинству священника, который совершает эти грехи. Но что я говорю о мужах, проходящих это служение? Дочери священников, которые не имеют никакого отношения к священству, по причине достоинства отцов своих за одни и те же грехи подвергаются гораздо строжайшему наказанию. Преступление бывает одинаково как у них, так и у дочерей простолюдинов, например: любодеяние у тех и других, – но первые подвергаются наказанию гораздо тягчайшему, нежели последние (Лев.21:9; Втор.22:21).

[17] 12. Видишь ли, с какой силой Бог внушает тебе, что начальник заслуживает гораздо большего наказания, нежели подчиненные? Наказывающий дочь священника более других дочерей за отца ее, подвергнет не равному с другими наказанию того, кто бывает виновником такого увеличения наказаний ее, но гораздо большему; и весьма справедливо; потому что вред не ограничивается только самим начальником, но губит и души слабейших и взирающих на него людей. И пророк Иезекииль, желая внушить это, различает один от другого суды над овнами и над овцами (Иез.34:17). Ясно ли теперь для тебя, что я имел причины устрашиться? Прибавлю к сказанному следующее: хотя теперь мне нужно много трудиться, чтобы не одолели меня совершенно страсти душевные, однако я переношу этот труд и не убегаю от подвига. Так, тщеславие и теперь овладевает мной, но я часто и вооружаюсь против него, и сознаю, что нахожусь в рабстве; а случается, что и укоряю поработившуюся душу. И теперь нападают на меня худые пожелания, но не столь сильный возжигают пламень; потому что глаза не могут получать извне вещества для этого огня; а чтобы

кто-нибудь говорил худое, а я слушал говорящего, от этого я совершенно свободен, так как нет разговаривающих; стены же, конечно, не могут говорить. Равным образом нельзя избежать и гнева, хотя и нет при мне людей, которые бы осаждали. Часто воспоминание о непристойных людях и их поступках воспламеняет мое сердце, но не вполне: я скоро укрощаю пламень его и успокаиваю его, убеждая, что весьма несообразно и крайне бедственно, оставив свои пороки, заниматься пороками ближних. Но вступив в народ и предавшись беспокойствам, я буду не в состоянии делать себе таких увещаний и находить руководственные при этом помыслы; но, как увлекаемые по скалам каким-нибудь потоком или чем-либо иным, хотя могут предвидеть гибель, к которой они несутся, а придумать какой-либо помощи для себя не могут, так и я, впадши в великую бурю страстей, хотя в состоянии буду видеть наказание, с каждым днем увеличивающееся для меня, но углубляться в себя, как теперь, и удерживать со всех сторон эти яростные порывы мне уже будет не так удобно, как прежде. У меня душа слабая и не великая, и легко доступная не только для этих страстей, но и худшей из всех – зависти, и не умеет спокойно переносить ни оскорблений, ни почестей, но последние чрезвычайно надмевают ее, а первые приводят в уныние. Лютые звери, когда они здоровы и крепки, одолевают борющихся с ними, в особенности слабых и неопытных; а если кто изнурит их голодом, то и усмирит их ярость, и отнимет у них большую часть силы, так что и не весьма храбрый человек может вступить в бой и сражение с ними; так бывает и со страстями душевными: кто ослабляет их, тот делает их покорными здравому рассудку, а кто усердно питает их, тот готовит себе борьбу с ними труднейшую и

делает их столь страшными для себя, что всю жизнь свою проводит в рабстве и страхе. А какая пища для этих зверей? Для тщеславия – почести и похвалы, для гордости – власть и величие господства, для зависти – прославление ближних, для сребролюбия – щедрость дающих, для невоздержания – роскошь и частые встречи с женщинами, и для других – другое. Все эти звери сильно нападут на меня, когда я выступлю на середину, и будут терзать душу мою и приводить меня в страх, и отражать их будет для меня весьма трудно. А когда я останусь здесь, то хотя тогда потребуются большие усилия, чтобы побороть их, однако они подчинятся по благодати Божией, и до меня будет достигать только рев их. Поэтому я и остаюсь в этой кельи недоступным, необщительным, нелюдимым и терпеливо слушаю множество других подобных порицаний, которые охотно желал бы отклонить, но не имея возможности сделать это, сокрушаюсь и скорблю. Невозможно мне быть общительным и вместе оставаться в настоящей безопасности. Поэтому я и тебя прошу – лучше пожалеть, чем обвинять того, кто поставлен в такое затруднительное положение. Но я еще не убедил тебя. Посему уже время сказать тебе и то, что одно оставалось не открытым. Может быть, многим это покажется невероятным, но при всем том я не устыжусь открыть это. Хотя слова мои обнаружат худую совесть и множество грехов моих, но так как всеведущий Бог будет судить меня строго, то что еще может быть мне от незнания людей? Что же осталось неоткрытым? С того дня, в который ты сообщил мне об этом намерении (избрания в епископа), часто я был в опасности совершенно расслабеть телом, такой страх, такое уныние овладевали моей душой! Представляя себе славу Невесты Христовой, ее святость, духовную красоту,

мудрость, благолепие и размышляя о своих слабостях, я не переставал оплакивать ее и называть себя несчастным, часто вздыхать и с недоумением говорить самому себе: кто это присоветовал? Чем столько согрешила Церковь Божия? Чем так прогневала Владыку своего, чтобы ей быть предоставленной мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению? Часто размышляя таким образом с самим собой, и не могши перенести мысли о такой несообразности, я падал в изнеможении подобно расслабленным и ничего не мог ни видеть, ни слышать. Когда проходило такое оцепенение (иногда оно и прекращалось), то сменяли его слезы и уныние, а после продолжительных слез опять наступал страх, который смущал, расстраивал и потрясал мой ум. В такой буре я проводил прошедшее время; а ты не знал – думал, что я живу в тишине. Но теперь я открою тебе бурю души моей: может быть ты за это простишь меня, прекратив обвинения. Как же, как открою тебе это? Если бы ты захотел видеть ясно, то нужно бы обнажить тебе мое сердце; но так как это невозможно, то постараюсь, как могу, по крайней мере в некотором тусклом изображении представить тебе мрак моего уныния; а ты по этому изображению суди о самом унынии. Представим, что дочь царя, обладающего всей вселенной, сделалась невестой, и что она отличается необыкновенной красотой, превышающей природу человеческую и много превосходящей всех женщин, и такой душевной добродетелью, что даже всех мужчин, бывших и имеющих быть, далеко оставляет позади себя, благонравием своим превышает все требования любомудрия, а благообразием своего лица помрачает всякую красоту телесную; представим затем, что жених ее не только за это пылает любовью к этой девице, но и кроме того чувствует к ней

нечто особенное, и силой своей привязанности превосходит самых страстных из бывших когда-либо поклонников; потом (представим, что) этот пламенеющий любовью откуда-то услышал, что с дивной его возлюбленной намеревается вступить в брак кто-то из ничтожных и презренных людей, низкий по происхождению и уродливый по телу, и негоднейший из всех. Довольно ли я выразил тебе скорбь мою? И нужно ли далее продолжать это изображение. Для выражения моего уныния, я думаю, достаточно; для этого только я и привел этот пример; а чтобы показать тебе меру моего страха и изумления, перейду к другому изображению. Пусть будет войско, состоящее из пеших, конных и морских воинов; пусть множество кораблей покроет море, а отряды пехоты и конницы займут пространства полей и вершины гор; пусть блистает на солнце медное оружие, и лучи его пусть отражают свет от шлемов и щитов, а стук копий и ржание коней доносятся до самого неба; пусть не видно будет ни моря, ни земли, а повсюду медь и железо; пусть выстроятся против них и неприятели – люди дикие и неукротимые; пусть настанет уже и время сражения; потом пусть кто-нибудь, взяв отрока, воспитанного в деревне и не знающего ничего, кроме свирели и посоха, облечет его в медные доспехи, проведет по всему войску и покажет ему отряды с их начальниками, стрелков, пращников, полководцев, военачальников, тяжело вооруженных воинов, всадников, копьеносцев, корабли с их начальниками, посаженных там воинов и множество сложенных в кораблях орудий; пусть покажет ему и все ряды неприятелей, свирепые их лица, разнообразные снаряды и бесчисленное множество оружия, глубокие рвы, крутые утесы и недоступные горы, пусть покажет еще у неприятелей коней, как бы силой волшебства

летающих, и оруженосцев как бы несущихся по воздуху, всю силу и все виды чародейства; пусть исчислит ему и ужасы войны – облака копий, тучи стрел, великую мглу, темноту и мрачнейшую ночь, которую производит множество метаемых стрел, густотой своей затеняющих солнечные лучи, пыль, потемняющую глаза не менее мрака, потоки крови, стоны падающих, вопли стоящих, груды лежащих, колеса, обагренные кровью, коней вместе со всадниками, стремглав низвергающихся от множества лежащих трупов, землю, на которой все смешано – кровь, луки и стрелы, копыта лошадей и вместе с ними лежащие головы людей, рука и шея, голень и рассеченная грудь, мозги, приставшие к мечам и изломанное острие стрелы, вонзившейся в глаз; пусть исчислит и бедствия морского сражения – корабли, то сжигаемые среди воды, то потопляемые с находящимися на них воинами, шум волн, крик корабельщиков, вопль воинов, пену, смешанную из волн и крови и ударяющуюся о корабли, – трупы, лежащие на палубах, утопающие, плывущие, выбрасываемые на берега, качающиеся в волнах и заграждающие путь кораблям; ясно показав ему ужасы воинские, пусть еще прибавит и бедствия плена, и рабство, тягчайшее всякой смерти, и сказав все это, пусть прикажет ему тотчас сесть на коня и принять начальство над всем этим войском. Думаешь ли ты, что этот отрок в состоянии будет даже выслушать такой рассказ, а не тотчас, с первого взгляда, испустит дух?

[18] 13. Не думай, что я словами преувеличиваю дело; (так кажется) потому, что мы, заключенные в теле как бы в какой темнице, не можем видеть ничего невидимого; а ты не считай сказанного за преувеличение. Если бы ты мог когда-нибудь увидеть глазами своими мрачнейшее ополчение и яростное нападение дьявола, то увидел бы

гораздо большую и ужаснейшую битву, нежели изображаемая мной. Здесь не медь и железо, не кони, колесницы и колеса, не огонь и стрелы, и не подобные видимые предметы, но другие снаряды, гораздо страшнейшие этих. Таким врагам не нужно ни панциря, ни щита, ни мечей и копий, но одного вида этого проклятого войска достаточно, чтобы поразить душу, если она не будет весьма мужественной и еще прежде своего мужества не будет укрепляема Промыслом Божиим. Если бы возможно было, сложив с себя это тело, или и с телом, чисто и без страха собственными глазами видеть все ополчение дьявола и его битву с нами; то ты увидел бы не потоки крови и мертвые тела, но такое избиение душ и такие тяжелые раны, что всё изображение войны, которое я сейчас представил тебе, ты почел бы детской игрой и скорее забавой, нежели войной: так много поражаемых каждый день! И раны эти причиняют смерть не такую, какую раны телесные; но сколько душа различается от тела, столько же различается та и другая смерть. Когда душа получит рану и падет, то она не лежит бесчувственной подобно телу, но мучится здесь от угрызений злой совести, а по отшествии отсюда во время Суда предается вечному мучению. Если же кто не чувствует боли от ран, наносимых дьяволом, тот нечувствительностью своей навлекает на себя еще большее бедствие, потому что, кто не пострадал от первой раны, тот скоро получает и вторую, а после второй и третью. Нечистый, видя душу человека беспечной и пренебрегающей прежними ранами, не перестает поражать его до последнего издыхания. Если хочешь узнать и способы его нападения, то увидишь, что они весьма сильны и разнообразны. Никто не знает столько видов обмана и коварства, сколько этот нечистый, чем он

и приобретает большую силу; и никто не может иметь столь непримиримой вражды к самым злейшим врагам своим, какую имеет этот лукавый демон к человеческому роду. Если еще посмотреть на ревность, с какой он ведет борьбу, то в этом отношении смешно и сравнивать его с людьми; пусть кто-нибудь изберет самых лютых и свирепых зверей и противопоставит его неистовству, тот найдет, что они весьма кротки и тихи в сравнении с ним; такой он дышит яростью против наших душ! Притом и время тамошнего сражения кратко, и при краткости его бывает много отдыхов. И наступившая ночь, и утомление от сражения, и время принятия пищи, и многое другое обыкновенно дает воину отдохновение, так что он может снять с себя оружие, несколько ободриться, оживиться пищей и питьем, и другими многими средствами восстановить прежнюю силу. А в борьбе с лукавым никогда нельзя ни сложить оружия, ни предаться сну для того, кто желает всегда оставаться не раненым. Необходимо избрать одно из двух: или, сняв оружие, пасть и погибнуть, или всегда вооруженным стоять и бодрствовать. Этот враг всегда стоит со своим ополчением, наблюдая за нашей беспечностью и гораздо более заботясь о нашей погибели, нежели мы – о своем спасении. Особенно трудной борьбу с ним делает для непостоянно бодрствующих то, что он невидим нами и нападает внезапно (это наиболее причиняет множество зол). И ты желал, чтобы в этой войне я предводительствовал воинами Христовыми? Но это значило бы – предводительствовать для дьявола. Если обязанный распоряжаться и управлять другими будет неопытнее и слабее всех, то, по неопытности предавая вверенных ему, он будет предводительствовать более для дьявола, нежели для Христа. Но зачем вздыхаешь? Зачем

плачешь? Не плача достойно то, что теперь случилось со мной, но веселья и радости.

19 **Василий** сказал: – Но не мое положение; напротив, оно достойно безмерных рыданий; потому что теперь едва я мог понять, в какие беды ты ввергнул меня. Я пришел к тебе узнать, что мне говорить в твое оправдание обвинителям; а ты отпускаешь меня, наложив на меня новую заботу вместо прежней. Я не о том уже забочусь, что мне сказать им за тебя, но о том, как мне отвечать за себя и за свои грехи перед Богом? Но прошу и умоляю тебя: если ты имеешь какое-нибудь попечение о мне, *«аще... кое утешение о Христе, аще кая утеха любве, ...аще кое милосердие и щедроты»* (Флп.2:1), (ибо ты знаешь, что сам ты более всех подверг меня этой опасности), подай руку помощи, говори и делай всё, что может ободрить меня; не позволяй себе оставлять меня и на кратчайшее время, но устрой, чтобы мне вместе с тобой теперь еще дружнее, чем прежде, проводить жизнь.

20 **Златоуст**. На это я с улыбкой сказал: – Чем же я могу помочь, какую принести пользу тебе при таком бремени забот? Но если это тебе угодно, не унывай, любезная глава. Время, в которое тебе можно будет отдохнуть от забот, я буду проводить с тобой, буду утешать и не опущу ничего, что будет по моим силам. При этом, заплакав еще более, он встал; а я, обняв его и поцеловав его голову, проводил его, увещевая мужественно переносить случившееся. – Верю, – говорил я, – Христу, призвавшему тебя и предоставившему тебе овец своих, что от этого служения ты приобретешь такое дерзновение, что и меня, находящегося в опасности, в тот день примешь в вечную свою обитель.

Примечания

1. Анфуса, мать св. Иоанна Златоуста, овдовела на двадцатом году своей жизни. ↑

2. Эгейское море между Грецией и Малой Азией и Тирренское между Италией и Сицилией известны своей бурностью и опасностями для мореплавателей. ↑

3. Одисс. XII, 39–110. ↑

4. Эврип – узкий пролив, отделяющий о.Эвия от Виотии и Аттики, в котором вода, по сказанию греков, прибывает и убывает семь раз в день и семь раз ночью. ↑

5. Валентиниан и Маркион – ересеначальники сект, известных под именами Валентиниан и Маркионитов – II-го века; Савеллий и Павел Самосатский – ересеначальники Савеллиан и Павлиан (Самосаситов) – III-го века; Арий – ересеначальник Ариан – IV-го века по Р.Х. ↑

6. Исократ и Демосфен – ораторы, Фукидид историк и Платон философ – аттические писатели, жившие в V и IV веках до Р.Х. ↑

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн